НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Горцы Кавказа

(LES MONTAGNARDS DU CAUCASE)

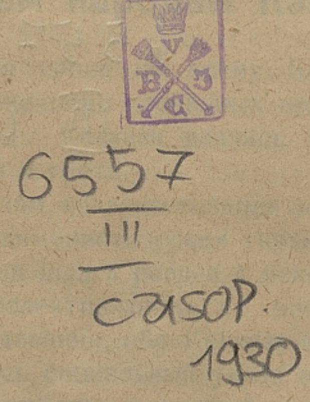
№ 17—18. ИЮНЬ-ИЮЛЬ № 17—18.

1930

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Горцы Кавказа

(LES MONTAGNARDS DU CAUCASE)

№ 17—18. ИЮНЬ-ИЮЛЬ 1930 № 17—18.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Ниже мы приводим обращение „Комитета Независимости Кавказа“ к его народам, стоящего на страже у предверия реального осуществления конфедерации Кавказа.

Обращение это вызвано тяжелыми, кошмарными переживаниями, которым подвергается Кавказ—общим разорением, сплошным погромом народного достояния в связи с коллективизацией сельского хозяйства.

Тот, кому, в период самостоятельности республик народов Кавказа, довелось восхищаться богатством щедрой рукой природы одаренной страны их, действительно будет поражен беспощадным расхищением достояния народного благополучия.

Народы Кавказа с крайним ожесточением ведут борьбу за свою свободу с красными узурпаторами, ведут ее не на живот, а на смерть. Теперь эта борьба приняла характер предельного напряжения по своим размерам и кровопролитию.

Пусть в жестокий час укрепятся в серцах народов Кавказа самоотверженность и вера в скорое избавление от советской тирании!

Ко всем народам Кавказа.

Потоками льется кровь по всему Кавказу. Измученные неслыханными притеснениями незванных пришельцев, узурпировавших власть, народы Кавказа взялись за оружие, дабы разорвать цепи насилия и гнета.

Насаждаемая мечом, коллективизация переполнила чашу народного терпения. Коммунистическая тирания, опирающаяся на русские штыки, всегда шла в разрез с вековым укладом жизни народов Кавказа. Коллективизация не могла не воспламенить огонь народного негодования, ибо Кавказу совершенно чужд дух русской общины и весь социальный уклад покоился здесь искони на единоличном хозяйстве и частной инициативе.

Кровавая власть московских сатрапов сознательно стремится разрушить вековые устои народной жизни, идя к на-

меченной цели через горы трупов и реки крови. Почти десять лет шайка кремлевских палачей производит свои кровавые эксперименты над скованным телом народов Кавказа. Но близок час освобождения! Близок час возмездия за долгие годы страдания и гнета!

Сыны Кавказа! Заря свободы должна вновь засиять над нашими горами. Но вы должны помнить, что не разрозненными усилиями отдельных народов может быть свергнуто иго московских палачей, а совместным революционным выступлением всех, томящихся в красной тюрьме, народов. Не забывайте ни на минуту, что вы не одни на поле битвы. Наряду с вами с красным империализмом ведут борьбу Украина, Туркестан и иные, придавленные московским сапогом, народы. Все они в сумме не меньше своих угнетателей.

Народы Кавказа! В нашем об'единении с этими народами, братьями в общем несчастьи,—залог освобождения. Только этим путем удастся сломить русско-большевитский империализм — тюрьму народов.

Сыны Кавказа! Большевизм окончательно изолирован на международной арене. Нет больше правительства, которое не раскусило бы всех махинаций советской дипломатии, под покровом дипломатической неприкосновенности подкапывающей основы современной цивилизации. Изоляция советской России — совершившийся факт. Усиливающиеся преследования верующих всех культов, ей нанесли последний удар. Вот почему каждый новый день еще более оголяет сущность московской тирании, ослабляет ея силы, усиливая одновременно наши ряды.

Народы Кавказа! Организуйтесь! Тесное единение Республик Кавказа на основе конфедерации—залог нашего конечного успеха. Уже слышатся первые раскаты революционной волны. В последних восстаниях на Кавказе кое-где красная армия — последний оплот большевитской тирании—перешла уже на сторону порабощенных народов. Это верный предвестник приближающейся освободительной грозы. Не за горами тот день, когда под общим натиском затрещат твердыни московской тирании. Приложите все усилия к тому, чтобы в этот решающий момент все, кто стремится к полному освобождению, оказались-бы в наших рядах.

Долой большевитскую тиранию!

Да здравствует демократия!

Да здравствует свобода порабощенных народов!

Да здравствует конфедеративный и независимый Кавказ!

Комитет Независимости Кавказа.

Прорыв фронта колхозации на Кавказе.

Заботы о благосостоянии народного хозяйства Кавказа и об его преуспеянии никогда не составляли сколько нибудь значительной области самостоятельных явлений русского правительства.

Насущные социально-экономические интересы Кавказа всегда поглощались более узкими интересами русской государственности, т. е., заботами о сохранении и поддержании той формы государственного уклада, какая наиболее благоприятсвовала захватнической политике царской России.

Экономика в истории России, в применении к Кавказу, всегда находилась в подчиненном положении по отношению к своей госпоже — политике.

Воздействие русской государственной власти на развитие и направление производительных сил Кавказа вытекало из побуждений расширения или укрепления российского империализма. Во имя сохранения и по возможности укрепления за собой этой власти, все ставилось на карту, чего-бы это не стоило стране и росту ее производительных сил, требуя себе чрезвычайных жертв со стороны населения Кавказа. И жертвы эти приносились в размерах, быть может, неведомых даже древним деспотиям. Из каких источников черпались эти средства и к какому истощению народного хозяйства они вели—об этом мало заботились: власть требовала и страна разорялась.

Но и русская революция не внесла никаких изменений в закрепленное в России соотношение между политикой и экономикой: советская власть пошла по стопам царского правительства и продолжает игнорировать экономику в пользу политики, т. е., требовать все новых и новых средств для своих политических целей, по прежнему не считаясь с тем, куда может привести окончательное истощение народных производительных сил страны. Такая подчиненная роль экономики политике проявилась в стремлении советской власти перестроить сельское хозяйство на социалистических началах и на Кавказе.

Ни в какой другой области игнорирование законов и положений, установленных вековым укладом экономической и политической жизни народов Республик Кавказа, не дает себя чувствовать в такой сильной степени, как в сфере нажима на хозяйственный быт сих народов со стороны экономико-финансового пресса советской власти.

Заколдованный круг, в котором вращается все время внутренняя и международная политика советской власти, в значи-

тельной мере вызван тем, что финансово-экономический пресс большевизма, узко экономические интересы, стоящих у порога кормила этой власти, заглушают соображения здоровой и рациональной политики, которая соответствовала-бы оставшимся незыблемыми положениям, установленным историческими этапами накопления народного богатства Кавказа в сответствии с их нерушимыми понятиями частной собственности и права на свободный труд.

Безотчетное стремление коммунистической партии России основать свое экономическое благополучие на разорении порабощенного Кавказа и эксплоатации богатейших в мире природных богатств этой страны, приводит советское правительство к игнорированию не только насущных интересов народов Кавказа, но и заставляет не считаться с законами международного обмена, международных отношений и общими тенденциями развития мирового хозяйства, в котором Кавказу отведено историей далеко не второстепенное место.

Поэтому, мировой кризис в области экономической, безработицы и обостренных настроений различных классовых слоев в атмосфере туманных и болезненных исканий разрешения социальных проблем, повелительно требует иного пути, иных метод, иного направления экономической политики цивилизованного мира в отношении советской власти в соответствии с тем, с какой безчеловечностью попираются этой властью все основы мирного сотрудничества на международной арене общечеловеческого благополучия.

В единодушном протесте всего культурного мира против религиозных гонений в советской России, мы видим первую дань, отданную культурой и цивилизованным миром необходимости в борьбе за свободу совести и за освобождение порабощенных народов России, за их свободу культурно и экономически развиваться в соответствии с требованиями духа времени и духовным запросам векового уклада жизни народов Кавказа.

Большевистская деспотия, возникшая на развалинах царизма, обосновавшаяся на исключительном попрании прав гражданина и народов, привела к исчезновению взаимного обмена культурно-экономического единства не только отдельных стран с порабощенными народами большевистской России, но в корне разорвала естественные экономические связи между хозяйственными территориями советских подневольных народов Кавказа, насильственно загнанных в орбиту коммунистического эксперимента— в колективизацию сельского хозяйства.

Вместе с глубоким материальным оскудением Кавказа, ко-

торое охватило эту цветущую страну в результате хаотических мероприятий советской власти в области экономической и хозяйственной жизни этой страны, большевизм напрягает еще все усилия к тому, чтобы поколебать и морально-духовную культуру Кавказа, ту культуру, которая тесно связана, которая питалась, жила и развивалась на протяжении тысячелетий, культуру, воспринятую Кавказом, благодаря своему постоянному живому общению с древним культурным миром Греции и Рима.

Разстрел огромного кадра наиболее трудоспособных и производительных интеллигентных и рабочих сил, чрезвычайное падение производительности труда, изношенность и частью уничтожение старых орудий производства, сокращение до минимума, а большею частью приостановка добычи сырья, повальный голод продовольствия, сырья, разных продуктов питания и предметов потребления, средств и орудий производства, растрата не только народного дохода на несколько десятков лет авансом, но и сокращение народного богатства Кавказа—основного капитала страны—таков процесс „водворения социализма в одной стране", который привел к началу последнего этапа экономического краха советской разрушительной политики — к коллективизации сельского хозяйства.

Таковы пути и средства, которыми двигалась советская власть в поисках за новыми „хозяйственными основами", якобы для возстановления, собственными руками в корень разрушенных и промышленности и сельского хозяйства.

Вполне естественно, что непосредственным результатом насильственных мероприятий советской власти в области коллективизации сельского хозяйства явился всеобщий голод и бесприютность населения Кавказа, как, впрочем, и во всей советской России. Сильная нужда господствует в первостепенной важности предметах питания и города и деревни. Все это мало способствует принципу „доброй воли" населения в деле колхозной политики власти и неизбежно сокращает мирную производительную деятельность народов республик Кавказа.

Итак, в длинном ряду зол современной советской действительности есть одно такое, которое захватывает наиболее широкие крестьянские массы Кавказа, зло, которое все глубже и постояннее уродует им существование: это — зло господствующего экономического насилия советской политики, стремящейся в „ударном порядке" осуществить лозунг „коллективизации сельского хозяйства", в первую голову направленную на полное уничтожение индивидуального крестьянского хозяйства, в целях создания „хлебной фабрики".

Неподдающийся пониманию культурного мира жестокий и бесчеловечный пресс политико-административной и финансово-экономической системы советской власти, применяемый ею к порабощенным народам, в частности и на Кавказе, настолько невыносим, что двенадцатилетнее терпение Европы и Америки обнаружило невозможность дальнейшего примирения с существованием такого необычайного политического феномена. Жестокими мерами революционной „законности“ уничтожая насильно жизнеспособные хозяйства и принудительными мерами воздействия загоняя крестьянство Кавказа в колхозы, советская власть силится в „ударном“ порядке перестроить жизнь Кавказских Республик на началах коллективизации, веками накопленного труда народных масс. Приведенные в советской и партийной прессе данные, свидетельствуют о глубоко разрушительном процессе, совершающемся в этой области, о жестокостях и насилиях административного нажима на крестьянские массы Кавказа. В обращени ЦИК и совета народных комиссаров к народам Кавказа говорится: ... „работники стремились разрешать задачи социалистического переустройства в административном порядке; давались обещания о выдаче сахара, мануфактуры, входящим в колхозы крестьянам или, наоборот, пугали отобранием земли, посева, имущества у тех крестьян, которые не хотели идти в колхозы“ (Бакинский рабочий № 56, 10/III — 1930 г.).

Кто следил за советской прессой, знает, что коллективизация сельского хозяйства встретилась с явным ожесточенным противодействием населения Кавказа. Массовое убийство партийных и советских работников, разстрелы, поджоги, массовое уничтожение самим населением скота, стремление лишить колхозы необходимых семян — все это составляет систему борьбы народов Кавказа с мероприятиями советской власти в области коллективизации сельского хозяйства.

Теперь читатель может судить — каков процент доброй воли народов Кавказа в создании колхозного хозяйства.

В целях выявления ужасающей картины „колхозации сельского хозяйства“, я позволю себе остановить внимание читателя на данных советской прессы, носящих отпечаток общего явления по всем республикам Кавказа. „Кулаки, хозяйства которых ликвидированы, оставшись без средств производства и средств к существованию, перешли на иждивение бедняков — своих родственников“.

Методы раскулачивания применялись следующие: „во время сбора средств на тракторы и целевых вкладов на реконструкцию сельского хозяйства, кулацким хозяйством были даны задания

(иначе говоря, оштрафованы) — по 100 — 150 рублей. Многие кулацкие хозяйства деньги полностью внесли и, следовательно, свои обязанности выполнили.

Совету эта „аккуратность“ кулаков понравилась и на кулацкое хозяйство, выполнившее свои задания, совет накладывает вторичное задание, и к тому-же вдвое увеличенное. И если кулацкое хозяйство выполнило и это задание, то совет давал ему третье задание.

Последнее задание остается не выполненным и хозяйство штрафуется в пятикратном размере. Есть ряд кулацких хозяйств, выполнивших свои первоначалные задания и оштрафованых на 1500 — 2000 рублей („Грозненский рабочий“ № 51 2/III—30 г.)“ —

„Крестьянам были обещаны тракторы и освобождение от налогов в случае их вступления в колхоз. Сначала представители власти об'явили добровольную запись в колхозы, но желающих оказалось мало. Тогда исполкомщики поставили вопрос иначе: в артель будут записаны 500 человек. И здесь началась самая безобразная свистопляска административных мер. От крестьян, воле-неволей попавших в списки колхозников, стали отбирать и обобществлять скот, птицу, инвентарь, самовары, посуду, даже стаканы. „Вам ничего не будет нужно—успокаивали крестьян местные руководители (русские), — мы скоро откроем гостиницу и общественную столовую“. Вскоре колхозникам была запрещена продажа продукции. Крестьянин, продавший курицу, штрафовался в размере 25 или 30 рублей с обязательным содержанием под стражей в течение трех суток. Попытки возражать против насилия пресекались в корне: выступавшие против такого колхозного движения немедленно арестовывались.

Под влиянием таких мероприятий крестьяне обратились с вопросом к председателю совнаркома АССР Буниат-Заде: „Мы пришли сюда, чтобы узнать — есть-ли такой закон советского правительства?“

(„Бакинский рабочий“ № 62, 18/III—30 г.).

„Наблюдаются факты исключительно грубого, безобразного и преступного обращения с населением со стороны работников (мародерство, дележка имущества, аресты и т д.)

— Постановление ЦК. ВКП. (б).

(„Бакинский рабочий“ № 60, 16/III — 30 г.)

„Представитель исполкома взялся проводить коллективизацию курьерскими темпами: „Кулаков перебьем, подкулачников вышлем и деревня войдет в колхоз“. В результате такой „ура-рево-

люционной“ агитации многие середняки отвернулись от колхозов и принялись разбазаривать скот. („Заря Востока“ № 67, 14/II—30 г.).

„Контрреволюционное противодействие со стороны кулачества колхозному движению в ряде мест и случаев привело к злостному убою скота и птицы“. („Заря Востока“ № 66, 13/III — 30 г.).

„Председатель завхозсоюза, собрав крестьян, заявил: „Я предлагаю вам записаться в колхоз“. Крестьяне заявили, что в колхоз идти не хотят.

Тогда представитель из центра ставит вопрос категорически: „Кто за организацию колхозов — поднимите руки.“

Никто не голосует. „Кто против колхозов?“ — Опять никто не голосует. „Кто против совласти?“ — Но опять все молчат. Представитель пытался все-же организовать колхоз, начав запугивать крестьян репрессиями“. („Заря востока“ № 59, 6/III—30 г.).

Таковы повсеместные явления на Кавказе, на фронте коллективизации сельского хозяйства, под влиянием которых находится сейчас не какая - нибудь отдельная область или местечко этой страны, а которые пронизывают все хозяйство Кавказа в целом и которые создают своего рода заколдованый круг для задачи возстановления сколько-нибудь нормальной экономической жизни кавказских народов. Все устои хозяйственной жизни и быта, которыми в течение долгих веков жила многомиллионная крестьянская масса Кавказа, разрушаются в самых основах.

Такой ‚экономический“ переворот в народном хозяйстве Кавказа, эти эксперименты, не имеющие предела и меры в удушении народной воли, материальное и моральное ущемление их, в процессе военного похода „колхозаций“ республик Кавказа — все эти мероприятия привели эту цветущую страну в состояние глубокого кризиса и упадка.

Фискальный интерес, как и во времена царизма, вновь восторжествовал над заботами о благосостоянии народов Кавказа; труд кавказского крестьянина в советской Росси получил решительно государственный характер крепостного права и сделался одним из устоев советской жизни, при чем, все попытки, направленные к смягчению этого положения, вызывают со стороны правительственной власти строгое осуждение и караются, как преступное посягательство на колебание существующего строя — диктатуры пролетариата.

Все эти факты насилия привели к крайне обостренному отношению настроения населения Кавказа к советской власти, выражаясь в грозных вооруженных сопротивлениях.

Ближайшее будущее покажет, во что выльется эта очеред-

ная революция, вызванная „экономическими“ соображениями комунистической партии. Однако, какие-бы формы ни приняла эта революция, безспорным остается одно: насильственная форма советской государственности, развиваясь в анархию, приближается к развалу. Жестокий экономический кризис, охвативший, как сельское хозяйство, так и промышленность и торговлю, способствует полному краху всей хозяйственной системы.

Тот громадный рост партизанского движения на Сев. Кавказе, тот большой размах сопротивления населения Республики Горцев Кавказа против грабежа советской власти, развивающееся не только под экономическими, но и политическими лозунгами, свидетельствует о том стремительном напоре Кавказа, который вынудил советскую власть отказаться от коллективизации сельского хозяйства в стране горцев Кавказа; нарастающие антисоветские силы горцев Кавказа оказались настолько грозными, что колхозный фронт тут прорван основательно. В обращении Северо-Кавказского Крайкома ВКП (б) говорится:

„Всем парторганизациям нацобластей Северо-Кавказского края.

I Национальные парторганизации должны усвоить, что в обстановке национальных областей нет еще условий для осуществления в них сплошной коллективизации, что в этих национальных областях единоличные хозяйства будут еще играть преобладающую роль.

2. Обязать облкомы немедленно осуществить следующие мероприятия:

а) Проверить все колхозы и те из них, которые созданы формально, методами администрирования, перерегистрировать и все обобществленное в них (скот, инвентарь, семена, фураж, посевы) должно быть немедленно возвращено их прежним владельцам.

б) Обеспечить полную возможность каждому хлеборобу выхода из колхоза, заявляющему об этом, немедленно возвращая им их скот, инвентарь и семена и выделяя им для индивидуального посева земли.

г) Совершенно отказаться от организации колхозов в горных районах.

з) Обязать национальные парторганизации добиться немедленного прекращения практики раскулачивания и там, где были произведены у отдельных хозяйств незаконные из'ятия и конфискации, обеспечить возврат этого их имущества. („Грозненский Р.“ № 68, 25/III—30 г.).

Так плачевно завершился поход колхозации на Кавказе, а угроза сокращения площади посева несет советской власти дальнейшее обострение бедствий народов Республик Кавказа, ибо хозяйственное положение страны непрерывно ухудшается, ухудшается вместе с тем положение и рабочих и крестьян.

Судя по данным советской прессы, нет никаких признаков, указывающих на возможность перелома в сторону улучшения.

Все это придает переживаемому Кавказом моменту совершенно исключительное значение, ибо, от того, в какой мере сопротивление народов Кавказа будет воспринято другими порабощенными народами советской России, будет зависеть исход грандиозных столкновений народов Кавказа с красными полчищами. Очевидно, что российская революция завершает свой круговорот — в самом деле — не может-же безнаказанно продолжаться такой нелепый порядок вещей, — гденибудь-же должна оборваться цепь!

Ибрагим Чулик.

Своеобразные исторические пути, по которым идет ныне Россия, коренятся глубоко в историческом прошлом этой страны. Нижеприводимая статья Ноя Жордания — главы грузинского национального движения и выдающегося кавказского политика—исчерпывающе поясняет ту глубокую разницу, которая царит между психологией Европы и современной России. Мастерский исторический анализ Ноя Жордания обнажает язву анархической природы русского народа — этого источника большевизма — и устанавливает непроходимую пропасть, отделяющую Россию от остального культурного мира.

Страница из русской истории.

Как образовалось русское общество? Кто сыграл главную активную роль в его развитии?

Известный историк Милюков пишет по этому поводу: „Общество европейское создавалось, так сказать, из глубины, органически, снизу вверх. У нас исторический процесс шел противным путем, сверху вниз". (Милюков: История русской культуры, том I, стр. 104).

Эта формула ясно указывает на разницу, существующую между историей Запада и историей России. Однако, тут нельзя говорить об особенности чисто русской. Напротив, как указывает Плеханов, „Особенность, так отличающая Россию в историческом процессе других стран Европы, напоминает нам исто-

рическое развитие неограниченных самовластий Востока. Чем более социальное развитие нашей страны стоит обособлено по сравнению с Западной Европой, тем менее оно является таковым в сравнении с развитием восточных стран". (Плеханов: Социальная история России, том I, введение).

Как-же об'яснить эту особенность и в чем она выразилась?

Россия не получила, подобно Европе, наследства цивилизации греко-римской и жизнь ея не создалась на этой базе. Географически Россия является продолжением Азии и связана с нею климатом и историей (Ключевский). Она представляет собою неизмеримое пространство, покрытое девственными лесами и обширными равнинами, мало населенными. В этих условиях, земля не представляла никакой ценности и никто не думал об ея приобретении и обработке. Поэтому, здесь и не было класса землевладельцев, составлявших существенное основание греко-европейской цивилизации. Жители легко оставляли одну область и переходили в другую. Все классы населения были бродячими. Только один элемент не был странствующим, элемент, связывавший между собой эти кочующие массы и этим элементом являлась власть — князь. Он оставался на одном месте, стараясь обещаниями и милостями привлечь к себе блуждающее население.

Принимая во внимание количество таких князей, жители имели возможность выбирать по своему усмотрению и поселяться временно там, где им нравилось Таким образом, правительство начало формировать общество.

Первое такое правительство в России состояло из чужестранцев. В VIII веке, купцы-варяги, жившие по ту сторону Балтийского моря, следуя водными путями в Грецию, наткнулись по дороге на славян, которых они быстро покорили и основали по Днепру новые коммерческие центры. Киев становится неизбежным этапом для караванов и столицей правления варягов, с Рюриком, его основателем (IX — XI века).

Но это не было государство народа русского, так как князья, купцы, чиновники, войско — все это были варяги; туземцы, славянские племена, платили им только подати и были их рабами. Главным доходом государства являлась торговля пушным зверем, доставляемым населением славянским в виде дани, а также торговля людьми: в лесах брали в неволю сотни, тысячи славян и вывозили на продажу на Восток.

Только в XII веке наступила славянизация варягов и образовалось русское общество. Но процесс этот закончился несчастливо — уничтожением Киевской Руси и исходом ея на-

селения на север. Два обстоятельства явились причиной: первое — внутренние злоупотребления правительства, особенно взимание податей в виде невольников, другое — внешнее — нашествие орды с юга. В отчаянии, спасаясь от несчастий, народ обратился в бегство. Он попробовал улучшить условия быта, но не на месте, не в борьбе, а непротивлением и эммиграцией. Он ушел на север, в леса, в надежде не встретить там ни правителя, ни неприятеля. Расчеты его не оправдались. И тот и другой последовали за ним, главное, — первый. На севере Руси, преимущественно в бассейне верхней Волги, варяги основали, с помощью Новгорода, города: Ростов, Суздаль, Муром и проч., управление которых находилось в руках Веча.

Переселенцы с юга направились в эту область и осели вблизи городов (слобод). За ними последовал киевский князь Андрей Боголюбский, который росположилса в Суздали. Но городской режим ему не понравился и он покинул город. Он стал во главе народа против горожан и об‘явил войну Вечу. Князя поддерживали низшие слои населения: города были завоеваны, Вече уничтожено, деспотизм возстановлен. Деспот создает новое общество на обломках старого, соответственно своим интересам и желанию. Таким образом, русское общество начинает формироваться сверху.

Русь делится на уделы. Каждый удел управляется произвольно князем. Политические права этих князей, однако, уничтожаются нашествием монголов (1237 — 1240), которые завоевывают Русь и об‘являют ее своей собственностью. Хан становится повелителем всей страны, тогда как князья и их наследники являются только исполнителями его воли. Выступает на сцену азиатский, неограниченый деспотизм со всей его жестокостью.

Киевская Русь управлялась варягами, удельная — становится достоянием монголов. Новые повелители были людьми относительно культурными. Они подняли на известный уровень технику войны и первые ввели перепись населения; им принадлежит также организация сбора податей и полиции. Благодаря им, расчлененная, находящаяся в хаотическом состоянии, страна начинает принимать форму. Между всеми князьями, князь Московский отличался особенной покорностью и слабостью, а потому хан доверил ему управление главными делами и подчинил ему остальных князей.

Москва становится, таким образом, административным и политическим центром. Монгольская империя имела три ханства: Казанское, Крымское и Астраханское или Ногайское. Между

этими тремя ханствами не замедлили возникнуть раздоры. Москва воспользовалась этими обстоятельствами и об'явила войну главному ханству — Казанскому. Московский князь одержал победу и об'явил себя царем; московское царство было основано. Русь освободилась от двухсотлетного ига монгольского и родилось первое, действительно русское, московское общество. Теперь посмотрим, на каком социальном фундаменте оно созидалось.

Московское царство получило в наследие социальные отношения, бравшие начало в быте удельной Руси и установленные при монгольском владычестве.

Принимая во внимание, что хан держал в своих руках неограниченную политическую власть целой страны, ясно, что князья, лишенные политических прав, представляли собою только группу землевладельцев. Князь являлся собственником земли, жители его удела — фермерами, от него зависящими. Но так как управление политическими делами было сконцентрировано в Орде (резиденции хана), сам факт землевладения не давал еще никаких политических прав: власть князя сводилась к роли простого помещика.

Ключевский, знаменитый русский историк, пишет: „Если-бы князья могли действовать по своему усмотрению, они расчленили-бы Русь на множество вражеских частей и воевали-бы один с другим, но они были только первоначальниками (улусами) хана, холопами вольного царя". (Ключевский: История, том II, стр. 51).

Таким образом, уделы, в том числе и Московский, являлись не государственными землями, но вотчинами —собственными поместьями князей. Очевидно, что здесь нельзя делать сравнений с феодализмом Запада, т. к. холопы-улусы, не будучи господами, были только невольниками.

С одной стороны, были деспоты — хан и окружавшие его трон монголы, с другой — вся Русь, с ея князьями и народом, лишенными всяких политических прав и обложенными данью хану.

Таково было наследие, полученное князем Московским. На месте хана стал князь; место монгольской администрации заняла администрация русская, без изменения режима. Орда уничтожена, ея место занимает Москва. Совершается социальная революция на существующих политических и социальних устоях.

Московский царь принимает в 1547 г. титул хана Казанского и становится самодержцем. От удельного строя он наследует земли в собственность, от Орды — политическую власть. Деспотизм становится еще более могущественным и жестоким. Все отрицательные стороны удельной Руси раз-

виваются в высшей степени в Руси Московской. Вся земля принадлежит царю и он извлекает из этого выгоды по своему усмотрению. Такое положение вещей неизвестно в Европе. Тут король побеждает феодализм, но земли и имущество его остаются неприкосновенными. „Возвышение монарха во Франции — пишет Плеханов — не обуславливает порабощение государством дворянства".

Обратное можно наблюдать в Азии: Египет, Китай, Халдея, Персия опередили в этом отношении Россию. Плеханов указывает, что правительство Китая часто действовало таким образом, деля землю, как это было в 1069 г.; никто не видел в этом „социальной революции". В древнем Египте, так-же, как и в Московской Руси, самодержец, поступая таким образом, не думал о вознаграждении жертв экспроприации. Коротко говоря, основание экономического состояния Московского царства — захват государством земель — составляет главный экономический принцип всех восточных, азиатских деспотов и на этом принципе установились соответсввующие отношения. Те кто получал земли, становились чиновниками государства, образуя „служилое сословие" — высший социальный класс. Однако, этот класс не имел никаких привиллегий, определенных правом. Он всецело зависел от власти, которой был слепо подчинен. В конце XVIII столетия он не имел уже права свободного передвижения и вступления на службу. „Такое порабощение — пишет Плеханов — было сильнее, чем порабощение крестьян".

Социальная и политическая структура Московской Руси напоминает таковую восточных самовластий. Европейский путешественник, посетивший Россию в 1517 г. пишет по этому поводу: „Дворянство и простой народ являются, беря во внимание их имущественное положение, хранителями доходов царя, так как все, что они приобретают, переходит рано или поздно в сундуки последняго". Против этих злоупотреблений боролись часто бояре, потомки княжеских родов. Но кровавый террор, направленный против них, был ответом. Их казнили без числа, а имущество их конфисковывали. С незлыханной жестокостью Иван Грозный и опричина — террористическая его организация — работали над истреблением бояр. Если дворянство находилось в таком порабощении, то что-же говорить об остальных классах?

Купцы были крепостными государства. Их обязанностью было вести торговлю и давать казне столько денег, сколько от них требовалось. Они платили десятую или пятую часть дохода, но во время войны с них взималась еще особая подать.

В то-же время они обязаны были собирать подати с обложенных налогом для казначейства. А если это им не удавалось, то им приходилось платить разницу из своих средств. Часто купцы, раздраженные таким порядком вещей, бросали свои дела, уходили в леса и становились разбойниками, а те, кто оставался, отвечал своим имуществом за беглецов.

С этой целью была учреждена „круговая порука" купцов. В 1658 г., под угрозой смерти, горожанам было запрещено переселяться без позволения из одного города в другой. Купцы не имели для торговли своих собственных помещений — все помещения принадлежали государству и от него купцы обязаны были снимать таковые. В таком-же порабощенном положении находилось и духовенство. Оно обязано было наследовать духовное звание от отца к сыну и не имело право оставлять этой среды. Только в 1869 г. сыновья духовных лиц были освобождены от этой обязанности. Легко представить себе положение крестьян. Это положение становилось все более и более похожим на положение крестьян, находящихся под владычеством восточных неограниченных властителей. Крестьяне не имели никаких прав и были настоящими рабами государства. Они содержали „служилое сословие", платили подати; их раздавали сотнями и тысячами дворянам, от которых с того момента зависела их жизнь и смерть. Земля расценивалась соответственно количеству хлебопашцев, прикрепленных к этой земле. Главной заботой государства было старание прикрепить крестьян к земле.

Все классы были равны перед властью: все были лишены личных прав. Начиная от дворянства — все подвергались пыткам, битью палками, изгнанию, тюремному заключению и повешению. Каждый класс связан „круговой порукой" и ответственен перед правительством за действия своих членов. За бегство боярина Серебрянного, например, бояре были принуждены заплатить правительству полмиллиона рублей. По Ключевскому, каждый класс оставался на свободе под собственной порукой. Крупная торговля, промышленность, ввоз и вывоз составляли монополию государства. Частные купцы имеют право только на мелкую торговлю. Все нервы материальной жизни народа находились в руках власти.

Эта структура каст венчалась троном, вокруг которого группировались высшие чиновники, управлявшие самовольно страной. Эта группа была по своему составу интернационалистична. На 930 имен, зарегистрированных в „Бархатной Книге", только 33 на сто являются настоящими русскими. Остальная часть — не русская: 24% поляков и литвинов, 25% немцев,

7% татар, 4% неизвестного происхождения (Ключевский). Эта интернациональная банда авантюристов стояла во главе России и, благодаря системе неограниченного самовластия, пила народную кровь. Под ея опекой была народная деятельность, поведение и поступки каждого.

Весной правительство закрывало зимние помещения в городах, закрывались бани для населения, чтобы воспрепятствовать зажигать огонь и заставить народ жить в полях. Возвращаются холода — „негде сварить щей и выпечь хлеба. Люди не имея хлеба и замерзая, бегут из своих домов" (Соловьев). „Правительство издает указ, гласящий: все обязаны причащаться на Страстной неделе, все должны поститься, ходить в церковь каждое воскресенье, воздерживаться и не принимамь у себя вещунов, не купаться во время грозы, не смотреть на молодую луну, не взращивать медведей и пр. и пр.—тот, кто не исполнит указа, будет подвергнут розгам..." (тот-же автор). Вот что происходило в городах; можно себе представить, что творилось в деревнях.

Так было организовано сверху, согласно интересам и необходимостям деспотической власти, русское общество. Очевидно, что общества, в обычном значении этого слова, не существовало вообще. Существовала, с одной стороны, нация, обращенная в инертную и безправную массу, с другой — правительство всемогущее, которое располагало безгранично народом, будучи его неограниченным повелителем. Иван Грозный писал королеве Елизавете Английской: „Мы предполагали, что ты являешся королевой своей страны и что все тебе принадлежит. Но, кажется, что не ты, а твои слуги властвуют и даже более— простые мужики, купцы". Он писал Курбскому: „Самодержцу Руси принадлежит государство целиком, а не боярам и служилым. От меня зависит осыпать милостями моих холопов или-же предать их казни".

Царь сзывал иногда Земский Собор, но это не были, однако, выборные или представители государства или какого-нибудь класса, но собрание местных чиновников — правительственных, военных и гражданских. Это было только правительственное совещание представителей этого правительства (Ключевский). Совещались не о вопросах политических, но имеющих характер технический. Спрашивается, какая-же была первоначальная причина, положившая основание такому необычайному социальному устройству? Историки и особенно Ключевский, об'ясняют это явление, главным образом, безпрерывными войнами, которые Москва вела со всех сторон. Но это об'яснение не отвечает

действительности. Состояние войны не дает такого могущества самовластию. Ни один народ не вел столько войн, как Грузия и, однако, деспотизм не привился там.

Столетняя война между Францией и Англией не могла поколебать порядков этих стран. Есть только одна причина, о которой я упомянул выше. Это форма владения землей и способ труда, т. е., соотношение частного производства, которое послужило главной основой в строении русского общества. Война была следствием этой причины, а не источником. Принимая во внимание, что крестьяне и земля принадлежали царю и он награждал своих приверженцев, раздавая им имения, является понятным, что чем более царь имел земли, тем большим количеством чиновников и войска мог он располагать. Когда раздача этих внутренних земельных богатств России была закончена, прибегли к завоеваниям новых земель, за которыми последовали новые раздачи до тех пор, пока новые завоевательные возможности были исчерпаны, пока кто-нибудь из соседних государств не загораживал путь царям Московским. В продолжение веков завоевательные войны следовали одна за другой на Востоке и Западе в стремлении получить доступ к южным морям. Только во второй половине прошлого столетия, после Крымской кампании, Европа положила пределы расширению России на Запад и на Юг. Но со стороны Китая Россия преследовала еще свои завоевательные стремления, пока не встретила отпор в лице Японии. Это постоянное расширение территории связывало трон с дворянством; этим путем приходило обогащение и помощь. Царь награждал дворян, раздавая им земли и крестьян. Со своей стороны дворянство поддерживало царя и укрепляло его могущество. Этот-же принцип расширения владений практикуют теперь большевики, вернее, наследники старой России. Война была главным занятием и источником могущества для Московской власти, каждая победа ее укрепляла, каждое поражение расшатывало. А такие поражения случались на западе, где приходилось сталкиваться с армией и техникой европейской. Каждый раз следовали „поправки” режима и некоторые реформы. Иван Грозный уничтожил опричину после неудачной войны с Ливонией. Задетая в своем национальном самолюбии и мании величия, власть принуждена была обратиться в сторону Европы. Начались реформы Петра Великого — „европеизация” Руси деспотическими приемами.

Новое течение упиралось на двух главных реформах: введении постоянной армии и новых налогов, которые своею тяжестью должны были лечь преимущественно на крестьян. Петр

писал сенату: „Собирите побольше денег, т. к. деньги — нервы войны". Введены были различные налоги: на землю, мельницы, бани, печи, арбузы, дома, комнаты, углы, на меха, шляпы, коляски, коротко, на всевозможные предметы, включая налог за бороду и усы. В Казанской губернии, основываясь на данных Милюкова, правительственная крестьянская семья платила 12 родов главных податей, общая сумма которых достигала 7 руб. 53 коп., т. е., более 60 руб. предвоенных. Помещичьий крестьянин платил немного менее. Также и в Архангельской губернии, но, однако, менее, чем в Московской. К этому следует еще прибавить непредвиденные налоги на содержание местного военного отряда. Петр приказал губернаторам содержать их за счет губернии. Как можно больше денег, как можно больше рекрутов — вот что требовало правительство Петра от народа. Это было выгодно высшим классам, положение которых улучшилось и они быстро „европеизовались". Однако, такой режим разорял народ. В течение трех лет только в одной Казанской губернии народонаселение уменьшилось на 33.295 семей; в Московской губ. — на 24,8%; Инкерманской — на 36,2% и т. д. Установлен факт, что в 1710 г. было приблизительно на 19,5% менее платящих подати, чем 20 лет назад (менее на 1/5). Что-же стало с этими людьми? Одна часть сбежала, другая — пошла на тяжелые правительственные работы, третья — кончала свои дни в войсках и проч. (Милюков: Национальная эконамия в России, 1892).

Европа представлялась русскому народу палачем и он от нея отвернулся. Народ ответил Петру расколом. Нация, с точки зрения культуры, разделилась. Верхние слои общества — дворянство и интеллигенция — следовали за царем, низшие классы остались верными старым нравам и обычаям. Образовалось две России, которые вели между собою войну. „Реформы — говорит Ключевский — пронеслись бурей над головой народа и, напугав всех, остались неразгаданной загадкой". Для пользы народа не было проведено никакой реформы. Все реформы имели целью упрочения режима. Действительно, этот режим достиг неслыханной силы. Деспотизм, становясь всемогущим и жестоким, на каждого возложил какую-нибудь обязанность по отношению государства.

Народное движение, возникающее при таких условиях — социальных и политических — невольно принимает формы мятежа и утопический характер (Милюков и Плеханов). Действительно, за неимением какой-бы то ни было независимой организации, всякая организованная и методическая борьба была невозможна.

Поэтому, народное недовольствие выражается бунтами и мятежами. Лже-Дмитрий, Стенька Разин, Пугачев, Болотников — представители народа, доведенного до отчаяния, поставившего целью „убивать бояр и купцов и их грабить". Лже-Дмитрий одержав победу, занимает трон; но это не приносит народу облегчение, за исключением тех, кто грабил и наживался добычей. Программой Стеньки Разина было установление казачьего режима, но это было невозможной фантазией, неприменимой к народу-хлебопашцу. Эти движения не пошатнули устоев социальных и самовластия, т. к. они не принесли с собой никаких новых форм экономических или политических. Оканчивались они погромами и расхищением богатств, которые переходили из рук в руки. Оппозиция аристократии и народные волнения никак не могли соединиться и возстать против существующего порядка. Каждая недовольная группа старалась сама захватить власть в свои руки и раздавать земли, крепостных и награды. Режим изменился вначале 19-го века, вследствие победоносных войн Наполеона. Понеся несколько раз поражение, Александр поручил Сперанскому преобразовать монархию на основании законов. Первый раз возникли в правительстве законодательная, исполнительная и судебная власти. Поражение Наполеона прервало это течение.

Свод законов, составленный Сперанским, был опубликован и вошел в силу при Николае I. Самовластие принимает тогда форму монархии классов; оно опирается на законность. Образуются общества дворянские и купеческие. Поражение в Крыму открывает дорогу европейским радикальным идеям; программы дворянских реформ расширяются и становятся программами реформ народных. Основание управления расширяется. Александр III и Николай II склоняются к гегемонии дворянства, которое расшатано революцией 1905 года и окончательно гибнет в февральскую революцию 1917 г. Остальная Россия пользуется случаем и возстает в октябре 1917 г. Историческая дуэль заканчивается поражением Европы и всего петербургского периода истории и возстановлением Москвии с ея политическими и экономическими насилиями. Русское общество, как сила политическая, организационно способная к проявлению, не существует еще. Ея судьба — в будущем.

Мы коротко разсмотрели исторический путь Восточной Европы и можем установить всю разницу с исторической дорогой Западной Европы. Два пути, которые, следуя параллельно, сходятся иногда, чтобы снова разойтись. Запад два раза пробовал европеизировать Россию: первый раз дорогой, ведшей через

Киев, другой — через Петербург, но обе попытки не увенчались успехом. Два раза Москва торжествовала. Слова Петра Великого, сказавшего, что „наступить день, когда Россия отвернется от Европы", оправдались октябрской революцией. Но последнее-ли это слово?

Конечно нет! Ныне, все страны Востока: Турция, Персия, Индия, Китай, очнувшись от тысячелетнего сна, эволюционируют все более и более в сторону европейских экономических и политических форм. Россия отстала от этого движения и даже сделала скачок назад. Но теперь она снова концентрирует свои силы, чтобы идти вперед. Это будет решительным и окончательным шагом. Это будет впервые, когда все слои русской нации, соединившись тесными рядами, пойдут навстречу европеизации без внутреннего разрыва. Но Россия так полна особенностей, что пути ея не будут ни широкими, ни прямыми. Старая Москва держит ее еще в своих тисках; не дает ей свободы движения, так ей необходимой. Восток не подчинится так легко Западу — он будет бороться с шумом, способным устрашить небеса и землю, пока не войдет в европейскую купель. Этот исторический процесс, свойственный России, она совершит сама. Остальные нации в советской России не имеют к этому процессу никакого отношения. Эти нации, не имея никакой органической связи с нею, присоединены к русскому обществу грубой силой и завоеваниями.

Ной Жордания.

Оборона Салты.

После понесенного поражения под Гергебилем, русский главнокомандующий кн. Воронцов, оставаясь при остатках отряда в Ходжал-Махинском укреплении, стягивал к себе новые части и пополнял старые. Судя по прибывающим ежедневно транспортам с боевыми припасами и эшелонам подходящих подкреплений, можно было предполагать, что размеры подготовляемой операции будут превосходить все предшествовавшие кампании.

Имам Шамиль, зная обо всем этом, допускал две возможности: повторное наступление на Гергебиль, или-же атака Салты с дальнейшим движением на Согратль. Наступление на Гергебиль, после двух неудачных попыток взять это орлиное гнездо, было менее вероятным и поэтому оставалось второе предположение—атака Салты.

12 июля 1847 года Имамом в ауле Дараде созывается совещание, на которое приглашаются наибы Кебет-Магома, Ахвердиль-Магома, Хаджи-Мурат, Даниэль-Бек, Нур-Магома, Магомет-Кадий Андалялский и Муртазали Тилитлинский. В результате этого совещания Имамом Шамилем отдается целый ряд инструкций, сводящихся, по существу, к следующему: 1—Кебет-Магоме вменяется в обязанность руководство над общей обороной Салты, усиление имеющихся там укреплений и сооружение новых, на прилегающих к аулу высотах. Постоянным местопребыванием его назначается аул Кудали; 2—Муртазали Тилетлинскому, начальнику гарнизона (500 мюридов) Салты,—обороняться до последнего человека; 3—Даниэль-Беку—оставаясь в Ирибе, парализовать действия Лезгинского отряда*) и иметь наблюдение за Джаро-Белоканской линией; 4 — Хаджи-Мурату (с 500 конными) — не теряя связь с главными силами противника, иметь наблюдение за долиною Кара-Койсу; 5—Нур-Магомету (300 чел. пехоты и 150 конницы)—оставаясь в Согратле, держать связь с Даниэль-Беком, имея неусыпное наблюдение за укреплением Кумух; 6 — Магомет-Кади Андаляльскому (300 чел. конницы) — расположиться против укрепленного Дурчи-Дагского лагеря неприятеля, не давая последнему сдвинуться с места, и, наконец, 7 — Ахвердиль-Магоме — оставаться при ставке Имама в Дарада во главе 1000 чел. конницы и 300 чел. пехоты при 3-ох орудиях. Получив эти инструкции от Имама Шамиля, 14 июля военачальники раз‘ехались.

---

*) 4 баталиона, 6 орудий и 11 сотен казаков и милиции.

20 июля, согласно сведений лазутчиков, Имам окончательно убедился в намерении противника занять Салты.

21 июля он, в сопровождении Ахвердиль-Магомы, Кебет-Магомы, Хаджи-Мурата, Муртазали Тилетлинского и Абакар-Хаджи, лично осмотрел воздвигаемые фортификационные сооружения и выработал следующую диспозицию:

1—Муртазали Телетлинскому с 500 мюридов оборонять непосредственно Салты, выселив оттуда женщин и детей. Он-же должен был установить связь с соседними начальниками, занимающими позиции на окрестных высотах и впереди по дороге на Цудахар.

2—Кебет-Магома, имея 500 чел. конницы и 1 горное орудие а также 400 чел. Куядинского пешего ополчения, должен занять Куппинские высоты, окружающие Салты с восточной стороны, и наблюдать за аулом Куппа.

3—Хаджи-Мурату, оставив 100 конных для наблюдения за долиной Кара-Койсу, с остальными 400 и одном горном орудии занять высоты между аулом Кегером и Салтынским мостом, находящимися на правом фланге наших позиций. При этом в распоряжение Хаджи-Мурада, кроме имеющихся регулярных частей (мюридов) поступало Гидатлинское пешее ополчение (500 чел.) под начальством Зиур-Магомы.

4—Абакар-Хаджи с 200 человек конных и 100 чел. пехоты занять хутор Силы и выдвинуть в Кудали аванпост в 50 человек, обязанный держать связь с Магомет-Кади Андаляльским, находящимся против Дурчи-Дагского укрепленного лагеря противника.

5—Ахвердиль-Магоме с 1000 всадниками и 300 чел. пехоты, при одном орудии оставаться при Имаме в Дараде, составляя главный резерв.

Таким образом, к 22 июля Салтынскую позицию с нашей стороны занимали: 1100 человек конницы и 600 человек пехоты при 4 орудиях, регулярных частей, и 900 человек ополчения Гидятлинского и Куядинского. С резервом-же Ахвердил-Магомы, который был также увеличен частями ополчения ближайщих аулов, количество это доходило до 4400 человек при 5 орудиях (записки известного защитника Гергебиля Идрис-Хаджи).

Дух в войсках, благодаря недавней победе под Гергебилем, был приподнятый и уверенный. Этой-же уверенностью были проникнуты, как сам Шамиль, так и все военачальники. Обстановка на иных участках фронта так-же благоприятсвовала нам, ибо и на лезгинской линии, и в Салатавии, и в Чечне мы теснили врага. Правда, период полевых работ и свирепствовавшая

в то время эпидемия холеры, не позволили Имаму Шамилю сконцентрировать большее количество сил на угрожаемом участке, но, тем не менее, этот сплоченный кулак старых ветеранов, беспредельно преданных идее Свободы и Вождю, возглавляющему ее, представлял серьезное препятствие, преодолеть которое противник мог бы после тщательной подготовки и ценою многих усилий.

Укрепленный горный аул Салты, лежащий на стратегической линии и прикрывающий собой Куяду, Гидатль и, отчасти, Андалял, был первостепенной важности опорным пунктом. Оборонительно-фортификационные сооружения этого орлиного гнезда были точной копией таковых-же Гергебиля, с той только разницею, что тут они были проведены с большей тщательностью. Стены были толщиною в 3 аршина с амбразурами и 3-мя фланкирующими башнями и ложементом. Все укрепление было разбито на 3 участка, кои соединялись крытыми ходами; каждый из этих участков представлял из себя, как-бы, отдельную крепость.

Вместе с этим, и впереди лежащая местность была приведена в оборонительное состояние. Запас продовольствия, которым располагал гарнизон, не был значительным: он был расчитан всего на 3 недели (по мерке муки на каждого защитника) Правда, на случай затяжного характера осады были приняты меры, обеспечивающие дальнейшее снабжение гарнизона провиантом.

В таком виде, к исходу 22 июля 1847 года Имам Шамиль готовился встретить врага.

24 июля закончились приготовления и в русском лагере. Ходжал-Махи было превращено в сильное укрепление и в нем были сосредоточены огромные запасы продовольствия и боевых припасов. Имеющиеся войсковые части, участвовавшие в Гергебильской операции, были пополнены, а так-же подтянуты были части новые.

В состав Салтынского экспедиционного отряда, под начальством главнокомандующего князя Воронцова, входили: 1-ый 2-ой и 3-ий баталионы Дагестанского пехотного полка; 1-ый, 2-ой, 3-ий и 4-ый баталионы Варшавского полка; 1-ый, 2-ой, 3-ий и 4-ый баталионы Самурского полка; 1-ый баталион Мингрельского полка, 1-ый баталион Эриванского полка, 3-я и 4-ая роты отдельного Кавказского стрелкового баталиона, 2 роты Апшеронского полка, 1 рота отдельного Кавказского саперного баталиона, гальваническая команда, 3 взвода крепостных ружей, взвод конгревых ракет, 2 эскадрона драгун, 2 сотни казаков и 17 сотен пешей и конной милиции. Кроме этого при отряде

находились дивизион тяжелой (осадной) артиллерии — 12 орудий, полевой артиллерии—12 орудий и горной так-же 12 орудий.*)

Таким образом, неприятель сосредоточил против защитников Салты 14 батал., 2 эскадрона, 19 сотен казаков и милиции и 36 орудий, что равнялось, приблизительно, 20000-м человек.

25-го июля эти силы неприятеля выступили из Ходжал-Махи и двинулись через Цудахар по направлению Салты. В авангарде отряда, под командой полковн. Евдокимова, шли 2 батал. пехоты, 8 сотен милиции и казаков и 2 горных орудия. К вечеру того-же дня наши части (Абакар-Хаджи), войдя в соприкосновение с неприятелем, начали медленно отходить к Салтынским позициям.

Полковник Хурш.

(Продолжение следует).

Переселение Горцев Восточного Кавказа 1865 года.

Выселение горцев с Восточного Кавказа, в сравнении с выселением с Западного, миниатюрно, как по своим размерам, так и по стихийности. И в то время, как выселение западных горцев навсегда останется единственным историческим примером, поражающим воображение своей грандиозностью, стихийностью, чудовищной катастрофичностью и жестокосердием победителя, — выселение восточных горцев служит только блестящим материалом, иллюстрирующим наглядно, с одной стороны, планы и действия русской власти в стране, покоренной 6 лет назад, а, с другой выяснение тех условий, которые не позволили вылиться переселению в грандиозные размеры западной части Республики Горцев Кавказа.

В первую очередь среди этих условий нужно особо выделить географическое положение Восточного Кавказа, которое резко отличаясь от Западного, представляло из себя неприступные горные крепости, в которых население в критические моменты привыкло отсиживаться, ведя отсюда партизанскую войну, заключающуюся, главным образом, в коротких набегах на неприятельский лагерь. Русские чувствовали себя сравнительно спокойно только в замиренной плоскостной части Кавказа, горы оставались неприступными и очагами различных подпольных движений и восстаний.

---

*) Кавк. Сборник, т. 6, 1882 г.

И, конечно, не случайно сравнительно мирно держали себя племена, как осетины и кабардинцы, которые главной массой занимали равнинное предгорье, не позволявшее им оказать то упорное сопротивление, которое было оказано горной Чечней и Дагестаном — главным плацдармом Кавказской войны.

И обращаясь к вопросу выселения восточных горцев, мы прежде всего, должны остановиться на Чечне, как на районе наиболее активном и выделившем наибольший процент эмиграции.

Чечня, занимая часть Терской области, заключает в себе все пространство между течением реки Аксая, горами Малой Чечни и рекою Тереком. Разделяясь рекою Гойтою на Большую и Малую, она представляет местность частью плоскую, частью покрытую могучими девственными лесами. Вся эта плоскость заключает в себе около 3.000 кв. верст, непрерывно населенную чеченцами.

„Масса эта, как гласит военный русский документ, занимает местность самую неприступную из всех, какие только обитаемы человеком. Проникнутая мусульманским фанатизмом, распаленным продолжительной войной, она продолжала ненавидеть нас, как недавних еще заклятых врагов, как неверных и будет сохранять это чувство до тех пор, пока мы останемся в ее глазах гяурами. Что-бы мы ни делали для горцев, как-бы ни благодетельствовали их нашим управлением, всякое добро им, сделанное, они будуть принимать как ненавистный дар гяуров".

И, действительно, чеченцы будучи, от природы народом чрезвычайно энергичным, пылким и стойким, эти качества за время долгой и страшной войны не только удесятерили, но и прибавили к ним абсолютное пренебрежение покоем и удобствами жизни. Привычка к опасностям сделалась потребностью. „В течение 20 лет ни один из чеченских аулов не был уверен в том, что он останется на месте до следующего дня, что наши колонны истребляли, то Шамиль переселял на другие места, по мере наших движений. Благодаря необычайному плодородию почвы, народ не погиб от голода, но потерял всякое понятие об удобствах жизни, перестал дорожить своим домом и даже своим семейством. К жизни общественной чеченцы и прежде были мало способны. Демократизм у них всегда был доведен до крайних пределов; не только понятия о сословиях и власти наследственной. но и понятия о какой либо власти почти не имели. Даже на языке чеченцев нет слова „приказать".

При таком характере, а еще более по топографическим свойствам занимаемой им местности, чеченцы долее прочих со-

хранили возможность к сильному сопротивлению, которое и оказывали самым решительным и упорным образом. Русские это отлично сознавали и весь удар свой сосредоточили на усмирении этого „мятежного“ и „хищного“ народа, призрак восстания которого все время тяготел над русской властью. Многочисленные документы, в том числе копия записки о Терской области, переданная начальнику главного штаба 14 июня 1863 года, дословно гласит нижеследующее: „Экспедиции первых годов нашего столкновения с этим народом, в которых мы потратили столько средств, времени, военной доблести русского солдата, в сущности мало имели влияния на вопрос окончательного покорения его нашей власти. Мы испытали на деле всю безплодность борьбы с чеченцами, которые пользовались закрытою местностью Сунженской долины и предгорий, чтобы наносить нам потери, и избегали в то же время решительного боя. Поэтому мы, по необходимости, прибегли к коренной русской исторической системе — заселению окраин государства казаками.

Сплошная линия казачьих земель, от Черного до Каспийского морей, совершенно обезопасившая южные границы Империи от набегов Кавказских племен, послужила нам базисом для дальнейших действий по занятию и колонизации неприятельской страны.

Если-бы мы продолжали заселять ее станицами, постепенно подвигаясь одной неразрывной линией до гор, и заняли-бы русским населением плоскость, мы-бы не имели надобности держать теперь постоянно под ружьем войска и лишили-бы возможности чеченцев быть нам опасными до сих пор. В сущности, за все время пятидесятилетней войны чеченцы потеряли только около половины своих земель, да и то наименее для них важных, но успели до сих пор вполне сохранить то положение, в котором они еще не скоро подчинятся вполне нашей власти“.

Эта неуверенность, страх за свое положение и призрак неминуемого восстания, принудили русскую власть найти выход, который по началу заключался в насильственном выселении чеченцев на плоскость.

Этот план переселения передам в изложении начальника Терской области, всемогущего тогда графа Лорис-Меликова:

„При настоящем положении Терской области, остается один способ, ведущий к несомненному успеху, это выдвинуть нашу передовую линию Сунженских станиц к подошве Черных Гор и занять по окраине их полосу земель, начиная от 2-го Влади-

кавказского*) через Воздвиженскую и Эрсеной, опираясь с одной стороны, на Владикавказ, а с другой — на Герзель-аул, или даже Хасаф-Юрт. Если-бы в Терской области были свободные земли, то исполнение этого предположения не встретило-бы особенных препятствий, теперь-же вопрос, куда девать чеченское население, может иметь только одно решение — обмен туземных земель на казачьи. Сунженские полки, особенно 2-ой, часть станиц которого поселена так недавно (1869 г),. без особенного затруднения променяют свою безводную и безлесную землю, подверженную частым неурожаям и засухе на плодносную плоскость Большой Чечни. Тогда чеченское население было-бы сбито в одно место, и разрозненное теперь казачьими землями Малая Кабарда и Надтеречное наибство вместе с чеченцами, поселенными по обоим берегам Сунжи, составили-бы сплошне туземное население. Население это, имея с одной стороны, Терскую линию**), отрезанное от гор новыми станицами, отделенное от Кабарды 1-ым Владикавказским полком, а от Кумыкской плоскости естественной границей — Кагалыковским хребтом, не осмелилось-бы более грозить нам возстанием и не избегло-бы самого бдительного надзора".

Но этот грандиозный и жестокий план, помимо серьезных неприятностей, требовал столь решительных действий, на выполнение которых необходимо было содержание многочисленного войска, огромная материальная затрата, а главное, длительное время, которое самой местной властью исчислялось не менее в 3—4 года.

Слухи об этих планах стали проникать в народ, и, когда чеченцы поняли замыслы русской власти, — решили им противодействовать силой.

Политическим и духовным руководителем этой борьбы стал Кунта Хаджи, глава особого религиозно-политического движения, развившегося в Чечне, под названием Зикры***) или Зикризма и принявшего политический характер борьбы народа с русским владычеством на Кавказе. Движение это было ликвидировано силой оружия 18 января 1864 года под Шали.

*) Под названием станиц 1 и 2-го Владикавказких полков были известны станицы, начиная от Прохладной и кончая Владикавказом. Позднее эта линия называлась Сунженской.

**) Старая Терская линия казачьих станиц тянулась от Кизляра до Моздока по течению Терека.

***) Слово „Зикра" арабское, означает в переводе молитвословие, воспоминание имени Бога. Более точная форма этого слова — „Зикруллах".

Это открытое восстание, с таким трудом подавленное, заставило серьезно призадуматься местную русскую власть. Она поняла, что чеченцы лягут костьми, но на равнину не выйдут, хотя туда и толкала их жизненная необходимость. Власть поняла, что выполнение плана требует огромнейших усилий и жертв, может, не меньших, чем было принесено русским народом за все время войны... И, в результате, все-же успех был больше чем сомнителен, не говоря уже о том, что достижение цели требовало спокойствия на всех внешних фронтах (война с западными державами). Тогда пришлось отказаться от радикального способа, предпочтя выбрать более медленный, но верный, и не раздражающий: „постепенное ослабление чеченского населения в горах добровольным выселением его на плоскость и поощрением переселения в Турцию". Возможно, что и эта мера не имела-бы успеха, есле-бы не глубокое хозяйственное потрясение чеченской жизни, что, собственно, и нужно считать основным мотивом, об'ясняющим переселение в Турцию 25.000 чеченского населения. Дело совсем не в Лорис-Меликове и генер. Кундухове, а в том, что все население Чечни принуждено было стесниться на пространстве 76 квадратных миль. При такой тесноте, физическому существованию народа грозила смертельная опасность. Можно было мириться с этим положением, когда шла война. Но мирная жизнь вступала в свои права и настойчиво требовала простора и земли, забранной русскими. Что это так, видно даже из докладной записки графа Лорис-Меликова.

„Совершенно при других обстоятельствах и с иными условиями приходилось иметь дело при водворении спокойствия и порядка в Терской Области. С одной стороны, стесненность территории, происшедшая от водворения в пределы области стотысячного казачьего населения, поставила большую часть туземных племен в невозможность прежних условий хозяйственного быта, с другой-же — замкнутость края, лежащего между безводной степью и снеговым хребтом, лишает возможности вывести из пределов области безпокойное и малоспособное к принятию гражданственности чеченское племя. Между тем, племя это, уступив казакам почти половину своих земель, хотя и удобных для хлебопашества, но наименее важных для целей военных, успело сохранить за собой по правую сторону реки Сунжи всю выгоду лесистой местности, изрезанной ущельями Черных Гор".

Таким образом, переселение в Турцию вызывалось глубокими экономическими причинами, среди которых нату-

ральное хозяйство чеченца, покоившееся издавна на земле, как источнике существования, испытывало невозможные условия для своего нормального развития. Жизнь требовала разрежения населения, скопленного в горах. Русские брались за эту операцию, предлагая чеченцам вместо тесноты — тюремное заключение на плоскости.

Очевидно, что так долго продолжаться не могло; кто-то из двух упорствующих должен был уступить; но уступка для одних означала кабалу и рабство, а для других отказ от плодов 64-х летней войны.

При создавшихся условиях нужно было искать других путей, иначе общечеченское возстание было неизбежным, о близком пришествии которого неустанно твердил тогдашний начальник чеченского округа генерал-майор Мусса Кундухов.*)

Будущему нашему историку придется посвятить не одну сотню страниц этому действительно большому человеку, я-же, принужденный ограничиться рамками настоящей статьи, постараюсь сжато представить документированный, секретный, до сего времени малоизвестный материал, который лучше всякого талантливого защитника, выявит во весь рост величавую фигуру честного патриота, обуреваемого, на протяжении всей своей многообразной и богатой приключениями жизни, одним лишь желанием, одним безудержным стремлением — найти способы могущие облегчить великое горе многострадательного народа.

II.

Подобно действующим лицам трагедий древних, судьба жестоко и неумолимо мстила горскому офицерству русской службы. Военные из горцев, подобно младенцам, не ведающих забот в свои молодые годы, прельщенные вниманием и щедротами

---

*) ПРИМЕЧАНИЕ: Кундухов Мусса-Алхаз родился в 1820 году, кончил Павловский Кадетский корпус, из которого в 1836 году был выпущен корнетом, с состоянием по кавалерии, при отдельном Кавказском корпусе. Будучи в чине полковника в 1859 году назначен начальником военно-осетинского округа. В 1860 г. назначен н. д. начальника чеченского округа. В 1863 г. был отчислен от занимаемой должности и вскоре выселился в Турцию. По уходе ген. Кундухова из России, он в первые три года не имел в Турции никакого оффициального положения и только по истечении этого срока был пожалован в чин лива (ген.-майора), с назначением членом меджелиса 4-го Анатолийского корпуса. До самой войны 1876-78 он удалился от всякого участия в делах и жил в гор. Сивасе, где была поселена часть выселившихся с ним чеченцев. По открытию войны он был назначен командиром кавалерийской дивизии, составленной большей частью из Кавказских горцев.

белого царя, беззаботно отдавались новой жизни, темп и вихрь которой гнали прочь докучливые мысли, горькие думы...

Но с годами — вопрос: — как-же быть и что делать, — все чаще и настойчивее требовал ответа. И эта, сперва едва-едва уловимая трещинка, а потом великий раскол и внутреннее раздвоение были неот‘емлемой частью бытия почти-что каждого горца-офицера.

И не нам их судить, ибо жестоким и чудовищным страданием они платили за короткое, часто вынужденное, насладжение...

Не нам судить даже и тех, кто пал безгласной жертвой этой страшной, глухой внутренней борьбы,—тем менее тех, кто решил искупить вольные или невольные ошибки своей юности открытым протестом, возмущением, бунтом, своею смертью на поле битвы родного народа с русскими. И я не стану свидетельствовать бесчисленные имена этой трагической интеллигенции, мне достаточно напомнить восстание 1877 года, головой и душой которого были, посмотрите, какие имена воскресшего Дагестана:—Вицхинский правительственный наиб—ротмистр Абдул-Меджид; сын свиты его величества генерал-майора Агалархана, майор русской службы, потомок казикумухских ханов — Джафар-хан; Мугарский наиб—штабс капитан Фатали-Бек. Сын предпоследнего правителя Кайтага генерал-майора Джамов-бека, Мехти-бек Уцмиев, Магомет-бек, потомок кюринско-казикумухских ханов, и т. д.

Нескончаемый список имен, пополняемый с каждым новым возмущением, новым востанием. И так до конца, вплоть до сегоднешнего дня... И сейчас еще в моих ушах звенят недавние слова нашего видного генерального штаба генерала: „Я все мог, все выносил, но только не службу на Кавказе.. Тяжело смотреть в глаза родному подневольному, силой оружия покоренному народу...“

От этой трагедии не ушел и генерал Мусса Алхазович Кундухов, осетин по национальности, алдар по происхождению. И народное предание, которому лично я не придаю решающего значения, ныне приведенное и советскими публицистами, повествует, что „был заговор против русского владычества на Кавказе. В этом заговоре принимал участие Мусса Кундухов (осетин), князь Мусса Уцмиев, свитский генерал (кумык по происхождению), чеченец Садулла Османов, ингуш Цуров и кабардинец, князь Атажукин. Заговор был раскрыт. Результяты получились такие: князь Уцмиев. свитский генерал, занимавший приближенное место при наместнике, был разоблачен самим на-

местником на вечере; князя Уцмиева сослали в Харьков, где он и умер. С остальными расправился Лорис-Меликов. Он использовал этот заговор в общегосударственных захватнических интересах. Он смотрел на Муссу Кундухова, как на главу заговора, обнаружившего в горской среде наличность опасной антигосударственной силы, от которой государству (т. е. царизму) необходимо было избавиться, а потому предложил Муссе Кундухову одно из двух: 1) или увести с собой весь единомышленный, антигосударственный элемент в Турцию и 2) или же примириться с тем, что правительство сметет с лица земли весь этот обнаруженный антигосударственный элемент. Мусса Кундухов, очутившись лицом к лицу перед такой тяжкой действительностью, будто-бы остановился на первом и со всей единомышленной массой ушел в Турцию, где, по преданию, не переставал до самой смерти тосковать по родине".

Можно как угодно отнестись к этому преданию, но нельзя не подметить той особой, положительно выдающейся роли, которой его наделяет народное воображение. Эта духовная одаренность генерала Кундухова отмечена всеми современниками, в том числе, конечно, и начальством. Его ум, кристальная честность, энергичность и храбрость находят единодушное подтверждение, во главе с великим князем, наместником на Кавказе, Михаилом Николаевичем, и командующим войсками Терской области, генералом графом Лорис-Меликовым. Нужно особо отметить в генерале Кундухове поразительное сочетание двух трудно совмещающихся качеств: — холодная разсудочность и пылкое сердце. Вот эта разсудочность и привела его к другим методам оказания помощи своему больному народу. Если и несомненна правдивость приведенной легенды, если генерал Кундухов и думал серьозно когда либо о восстании, то опять таки, как видим, самое восстание он не только тщательно подготовлял и организовывал, но и задумал его в размерах общегорских. Он первый, который успех дела связывал с неизменным выступлением всех горских племен. Он первый, сурово осудивший неоправдываемые жертвы местных, племенных восстаний, попытался строить общегорский фронт.

И все-же, несмотря на правдоподобность приведенной легенды, мне кажется, что она таит в себе вымысел, продукт народной фантазии, неизменно сопровождающей всякое историческое лицо. Трудно предположить, чтобы выдающиеся способности и совершенная осведомленность генерала, не смогли предугадать обреченности даже в таких широких размерах задуманного восстания, ибо кому, как не ему, были известны

и превосходная численность огромной Кавказской армии, и трудности условий сговора, и общегорская усталость от только что закончившейся войны.

Эту мысль, правда, по другому поводу, категорическим образом высказал и граф Лорис-Меликов в письме к начальнику главного штаба Кавказской армии генер. ад'ютанту А. П. Карцову от 15 апреля 1865 г. за № 15.

„Не могу, однако, не выразить, что по личному моему убеждению, основанному на постоянных заявлениях г.-м. Кундухова, мирный исход дела представляется наиболее вероятным. При той твердой уверенности, с которой настойчиво высказывается в этом смысле ген. Кундухов, можно усомниться в мирном исходе дела только в том предположении, что ген. Кундухов или находится сам в полном заблуждении относительно настроения туземцев, что допустить трудно, при его близком знакомстве с духом и наклонностями здешнего населения, или-же, что он, умышленно обманывая нас, намерен произвести общее на Восточном Кавказе восстание, чтобы самому стать во главе его. Но предположить последнее я нахожу совершенно невозможным, так как рассчитывать держаться во главе восста-даже при самых благоприятных обстоятельствах более двух лет протих тех сил, которыми мы можем в настоящее время располагать, было-бы верхом безумия. Но генерала Кундухова, как известно Вашему Пр-ству, в недостатке ума упрекнуть нельзя".

В таком случае, оставался единственный выход — безболезненный уход в Турцию навсегда. Уходить нужно было неотлагательно и спешно, иначе новое восстание неизбежно, несмотря ни на какие усилия и ни на какой авторитет генерала Кундухова, уже не раз предупреждавшего о надвигающейся беде. „Побуждения, руководящие в этом деле генерала Кундухова, — говорит граф Лорис-Меликов в своем письме от 7 мая 1864 г. за № 34, — были высказаны им мне прямо: облегчая переселением в Турцию заботы правительства, он думает этой мерой спасти туземное население от бедствий, которые неминуемо постигнут эти племена в случае восстания. Давнее убеждение его в неизбежности такого восстания на Восточном Кавказе, полагаю, известно Вашему Превосходительству".

В только что покоренной стране пылали страсти возмущения и ненавистн к новым хозяевам; вот-вот должен был вспыхнуть пожар, в котором неминуема была и смерть самого народа,

в отчаянии потерявшего выдержку и разум. Пылкие и особенно стесненные русскими чеченцы не раз уже пылали в огне, грозя искрами зажечь и суровый, глухо клокочущий Дагестан.

И генерал Кундухов боялся за народ, торопился предупредить это новое восстание, исход которого, при его осведомленности и знании сил обоих вражеских лагерей, был несомненен. Он боялся повторения черкесской истории; он задолго звал, просил и умолял о выдержке, ибо русская власть только ждала удобного момента, чтобы *расправиться раз навсегда еще с одним горским племенем.*

В неустанных раз'ездах и увещаниях, он приобретает широкую популярность и снискивает преданность и послушность вождей чеченского и ингушского племен. Мало-чеченский наиб, майор Саад-Уллах (в русском произношении Садулла Османов) и ингушский (карабулакский) старшина, штабс-капитан Алико Цуров, оказывают ему всемерную поддержку, и целиком разделяя его план, сдерживают бушующую стихию народных страстей.

Но уйти в Турцию, — легко сказать!!

Повторить печальный опыт Адыгеи, подвергнуться, как выразился граф Лорис-Меликов „*погрому*“, не могло быть, конечно, даже и приближенной целью генерала. Отвергая восстание, он еще решительнее отбрасывал план вооруженного отхода.

Нужно было быть безумцем, чтобы даже таить надежду на пробитие неприятельской цепи, всесторонним мощным кольцом охватившей невообразимое пространство.

Так пришел генерал к смелой мысли: *просить благословения и разрешения русской васти на переселение горцев.* Это дерзкое предложение, в других условиях, могло стоить ему жизни. Этого не случилось, ибо, во первых, русское правительство вполне разделяло этот план, боялось только его выполнения. а во вторых, не последнюю роль сыграла и личная известность Кундухова видным чинам местного начальства, в том числе знакомство с великим князем Михаилом и с графом Лорис-Меликовым, наиболее дальновидным политиком, не желающим неизбежного пролития невинной крови. И если-бы не энергия и настойчивость графа, — переселение все-же, во главе с генералом Кундуховым, не состоялось бы, главным образом из за опасения, которое и высказал Главнокомандующий и наместник Кавказа великий князь Михаил в письме за № 27 от 16 февраля 1865 г.

„По докладе Его Импер. Высочеству Главнокомандующему содержания письма Вашего от 23 января сего года за № 127, Государь Великий Князь изволил выразить мнение, что ежели-

бы состоялось увольнение генерал-майора Кундухова и окончательное водворение его в Турции, то в случае войны при его способностях, при знании края, связях и той популярности, которой он пользуется в туземном населении, Кундухов имел-бы возможность ежели и не существенно вредить нашим интересам, то во вяком случае подать повод к серьезным опасениям за сохранение внутреннего спокойствия Терской области По изложенным причинам, Его Имп. Высочество изволит полагать, что при предстоящем разрешении вопроса о переселении чеченцев в Турцию, желательно было-бы избегнуть тех серьезных затруднений в будущем, которые неминуемо были-бы сопряжены с уходом в Турцию ген.-майора Кундухова, и что к таковой мере можно прибегнуть только в крайности и в том только случае, ежели бы последствием не было-бы фактическое переселение 5 — 6 тысяч семейств чеченцев, так как выселение столь значительной массы этого беспокойного населения могло-бы в некоторой мере выкупить неудобства, сопряженные с окончательным переходом в Турцию ген.-майора Кундухова".

Это письмо, подтверждая мою мысль, вместе с тем окончательно устанавливает провокацию личных врагов ген. Кундухова, выставляющих его платным агентом русского правительства и, якобы, получившим за „оказанную услугу" вознаграждение чуть-ли не в 300.000 рублей. Я не считаю даже нужным останавливаться на этой пошлой грязи, ибо имя Мусса-паши, принадлежа уже истории, не нуждаясь в моей защите, внушает всем нам искреннее восхищение и обаяние, распространяемое и при своей жизни на всех своих современников.

Генералом Кундуховым не было поставлено русскому правительству никаких личных требований, тем более вознаграждений. Им было только высказано желание, чтобы местные власти приобрели в собственность государства, принадлежащую ему землю „Скуд-кух", в размере 2.800 десятин, и выстроенный на ней барский дом, за 45.000 рублей, с присоединением 10.000 рублей на цели вспомоществования, как наиболее бедным переселенцам, так и негласного вознаграждения лиц, содействующих успеху дела.

Нашлись люди, которые и этой коммерческой сделке старались придать форму обоснованной, но плохо сшитой взятки. Но и тут излишни доказательства, ибо всякому здравомыслящему ясно, что дом с 2.800 десятин земли, во всяком случае, этой суммы стоит!!...

И чтобы раз навсегда покончить с этими нелепыми и злыми выдумками, не имеюшими абсолютно никаких источников, кроме провокационных, пусть каждый (если еще таковые имеются) сомневающийся в честности Мусы Кундухова, подумает, зачем и для чего было блестящему генералу русской службы, перед которым лежала далеко еще не законченная дорога, менять свое положение, оставлять свою любимую родину и народ, и брать на себя тяжелую ответственность передвижения тридцатитысячного населения, — в страну, которая во много раз была слабее в коммерческом, экономическом и военном отношениях?

И приведенные документы переданы мною совсем не для реабилитации Кундухова, в которой он не нуждается, а своим появлением они обязаны той слабой осведомленности, которая непростительна в истории нашего последнего массового переселения, проведенного генералом Кундуховым с таким тактом и заботливостью.

Его широкий кругозор в деле переселения не мог ограничиться границами российскими, потому что, решив навсегда связать свою жизнь с уходящими, он искал на новой родине твердой опоры и базы, обеспечивающей благополучие эмигрантов. Вот почему он так настойчиво добивался у турецких властей отведения под поселения горцев лучших мест, настаивая и на оказании им помощи в течение первых лет.

Условия его были приняты Высокой Портой, которая в последствии должна была отступить от них с тяжелым сердцем.

Не вина Мусса-паши, что злые силы, от которых он уводил любимый народ, действовали и за пределами Российской Империи, отточенные стрелы которой и здесь нашли свои жертвы, легшие тяжелым бременем на остаток безрадостных дней национального героя, всю свою жизнь болевшего за несправедливую, печальную участь родного народа...

Мир праху его! В славном списке борцов за независимость и лучшую горскую долю—Мусса-паша занимает не последнее место!

III.

По возвращении ген. Кундухова из Константинополя, куда он выезжал для выяснения условий принятия переселенцев, генерал Кундухов доложил, что Турецкое правительство, соглашаясь на переселение 5 тысяч чеченских семейств, предполагает водворить их на пространстве от Сагайлугского хребта до озера Ван через Топраккале, Мелезгир и Патнос. Но русским не улыбалось водворение воинственных чеченцев непосредственно со своей границей. Власть боялась их вторжения и набегов,

усиленно ходатайствуя, через своего посла, об отводе чеченцам земель за Эрзерумским пашалыком, в окрестностях Эрзинджана и Диарбекира. После долгих переговоров, министр ин. дел, Али-паша, согласился, наконец, на то, чтобы выходцы эти были поселены вдали от границ, а именно в Алеппо, заверив генерала Кундухова, в том, что с прибытием горцев в Турцию, они будут размещены согласно старого условия.

Генерал Кундухов стал во главе переселения, заранее отправив свою семью в Турцию.

К 22.491 чеченцам присоединились немногочисенные семейства осетин, дагестанцев и кабардинцев, составивших в общем около 8.000 человек. Переселенцы были разделены на эшелоны, каждый численностью от 150 до 200 семейств. Путь был определен заранее обозначенным маршрутом. Эшелоны отходили при конвое, во главе с офицером. Таких партий проследовало 28.

Первая партия переселенцев выступила из Владикавказа (сборного пункта) 28 мая 1865 года и через Мцхет, Боржом, Ацхур и Ахалкалак, прибыли на границу 17-го июля. Последние партии двинулись 16 августа. В течение всего периода следования партии по означенному пути не было ни одного беспорядка. Русскому правительству „поощрение чеченцев к переселению в Турцию, передвижение их до границы, а также принятие некоторых мер по движению их по Азиатской Турции", — обошлось всего в 130,582 руб. 72 коп.

Турецкие власти, хорошо осведомленные о чрезвычайно зловредном климате и бесплодной почве предназначенных мест, совместно с генералом Кундуховым, надеялись на лучшее расселение переселенцев, но упорные, вплоть до об'явления войны, настояния русского правительства принудили турецкие власти к выполнению условий. Эта нерешительность, долгие задержки и стоянки, беспрерывные изменения маршрутов, стали нервировать и без того исстрадавшихся горцев, которые в отчаянии дважды бросались атаковывать самый город Муш, а некоторые даже повернули обратно домой, решив пробиться через русскую границу. Только в конце 1867 года, при энергичном настоянии ген. Игнатьева в Константинополе и капитана Зеленого в Эрзеруме, вся масса эмигрантов была удалена от русской границы и поселена внутри Анатолии, за Эрзинджаном и Диарбекиром.

Главная масса чеченцев, 13.648 душ, была поселена по истокам западного Хабура, южнее города Мардина (Диаберкир-Санджака), имея центром поселения вновь возникшее из развалин местечко Рас-эль-аин. Вторая группа за Сивассом, на горах

Яйлах Сивасского пашалыка, третья была отправлена в Санджак-Бига и Альбистан близ Хозандага. Места, отведенные для поселения, были ,,каменистые, песчаные, безводные и потому негодные для какого-бы то ни было хозяйства. Вскоре после прибытия их туда, весь скот, бараны и лошади погибли от недостатка корма. Сами-же переселенцы, в продолжении первых 4-х лет, получали от турецкого правительства муку, а иногда и рис, но все это в крайне недостаточном размере. Наконец, в последние 4 года, они были лишены и этого пособия. Недостаток пищи и другого рода лишения; при всем знойном и вредном для здоровья климате, развили между переселенцами болезненность, от которой большая половина их погибла", — так повествует и льет крокодиловы слезы русское официальное донесение своему начальству, которое намеренно и категорически отстаивало для горцев именно эти места.

Все эти бедствия заставили горцев покинуть отведенные им места и потянутся на север, где они окончательно и осели в районах Сивасского, Халепского, Эрзерумского и Диарбекирского вилаетов. Всех переселенцев не насчитывалось уже и пятнадцати тысяч человек, остальная половина погибла, чтобы своей смертью еще больше укрепить ненависть к русской власти, которая с нескрываемым ликованием праздновала торжество освобождения областей от самого непримиримого и „беспокойного“ населения.

Спустя пятьдесят лет, русское правительство убедилось окончательно в том, что и эта мера, как и уничтожение многих тысяч, не есть гарантия безмятежного и непоколебимого господства над покоренным народом.

Народ восстал и праздновал день освобождения, не менее радостно встреченный исстрадавшимися братьями-горцами, варварством временного хозяина загнанных во все уголки далекого Востока.

Кази-Хан.

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ РЕСПУБЛИКИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

5. РЕСПУБЛИКА ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Границы Горской Республики с Севера идут от устья р. Пшады на Черном море вверх по течению этой реки, горе Афибс, по реке Афибс вниз по течению до железнодорожного моста на этой реке, далее на С.-Запад, южнее Панахеса, до

реки Ксаб, далее на Север, западнее Псейтук, до реки Кубани; вверх по течению реки Кубани до станицы Барсуковской, далее на восток по правому притоку р. Барсук; от истоков р. Барсук по прямой линии на восток к истокам притока Кумы-Карамыка, далее до впадения его в р. Куму, и, наконец по реке Куме до впадения ея в Каспийское море. В этом рубеже изменения абсолютно недопустимы.

В предыдущих главах приведены обоснованные исторически и реально доводы горского права не только на ограничиваемую территорию, но и на всю территорию „Предкавказья" в фактических географических границах собственно Кавказа, или, как она вошла в историю—линию Мансура.

И если горцы осуществляют границу-минимум, то это не в силу отсутствия прав и слабости, таковых достаточно, а лишь для того, чтобы устранить какую-либо возможность нападения со стороны соседей с севера, кто бы таковыми не оказались.

Действительно, потеряв значительную часть своей территории, вследствие грубого насилия, горцы поставлены в такие экономические условия, что национальное возрождение их совершенно исключается, если будут сделаны какие либо уступки в намеченых границах минимума.

Для иллюстрации остроты земельного голода в горских областях приводим следующее:

1. „Основным фактором, определяющим все стороны народно-хозяйственной жизни северо-осетинской автономной области и налагающим здесь на все резкий отпечаток, является ее острое малоземелье"... „Та земельная площадь, которой располагает население Северо-Осетинской авт. обл., оказывается по размерам своим *ровно в 4 раза меньше исчисленной для нее продовольственной нормы*" (курсив автора). Так характеризует даже печать под контролем в „Известиях Осетинского Института Краеведения".

Продовольственный душевой надел исчилен агрономом Н. А. Свиридоновым, — русским.

По этим данным, необходимо на одну душу:—пахотной земли —1,15 дес., сенокосной — 0,60 дес., и выгона 1,33 дес. Итого—3.08.

По данным Центр. Статист. Упр. в С. Осет. Авт. Обл. на одну душу населения приходится:

Усадебной земли и пашни		—	0,57 дес.*)
Сенокоса	„	„ —	0,51 „
Выгона	„	„ —	0,22 „
		Итого —	1,30 дес.

*) Из этого числа 0,17 дес. надо считать усадебной, на пашню приходится не более — 0,40 дес.

Таким образом, из установленного советского минимума, большей половины недостает до продовольственной нормы. Из полуголодной земельной нормы в 3,08 дес. — имеется на лицо 1,30 дес. и не достает 1,78 дес.

В Ингушетии положение почти такое-же: на душу приходиться 1,67 дес. В Дагестане наблюдается та-же картина.

Осетия по всему СССР в земельном отношении на последнем месте. В тех-же „Известиях" отмечается:

„VII. Не менее важным показателем земельной нужды С. Ос. авт. обл. может служить даже картина питания населения".

Так, в 1925 г. — местное питание С. Ос. Авт. Обл. равнялось 3,358 калорий".

„То-же питание было:

1.	в Крыму . . .	4,096 кал.
2.	„ Украйне . . .	4,290 „
3.	„ Белоруссии . .	4,233 „
4.	„ Карелии . . .	4,188 „
5.	„ Киргизии . . .	4,188 „
6.	„ Дагестане . . .	3,758 „
	По всему СССР средн. .	4,205 „

Эта статистика — русская. Не покажется-ли казачьим руководителям не только странным, но и преступным вышеприведенное горское земельное положение, обрекающее горское население на систематическое недоедание и вымирание? И это в то время, как пришлое казачье и русское население края, внедренное Россией силой оружия, фактически пользуется душевым земельным наделом в 3 и 4 раза большим, чем хозяева страны—горцы!

Разсматривая вопрос скотоводства, „Известия" приходят к следующему заключению:

„Скотоводство нагорной полосы, таким образом, всецело находится в зависимости от наличия кормовой площади на плоскости" (курсив автора). — „В поисках за нею, горцам приходится вследствие этого, скитаться далеко за пределами своей области, находя ее, главным образом, в Кизлярских степях".

„Совершенно очевидно и то, что малоземелье нагорной полосы нужно признать малоземельем абсолютным" (курсив автора).

Интересны меры, которые предлагаются в цитируемых нами „Известиях". Они ярко иллюстрируют наше положение, невозможности удовлетворения насущных нужд горцев бес степных районов Сев. Кавказа.

„XII. Расширение колониальной территории мыслится путем создания колонизационного фонда в Моздокском районе Терской губернии из свободных здесь земельных запасов... Благоприятное разрешение моздокского вопроса сразу-же вызовет смягчение земельной нужды области".

В аналогичных условиях находится и другие горские области.

Так например, почти все взрослое мужское население Дагестана, найбольшей части Гор. Республики, уходит ежегодно летом далеко за пределы области в поисках заработка.

Составляя одно целое, Сев. Кавказ представляет единую экономическую систему и стеснение ее далее намеченых нами границ—невозможно.

Таким образом, горцы всегда будут жизненно заинтересованы в обладании своим „Предкавказьем", которое, с другой стороны, постоянно тяготеет и будет тяготеть к югу. При настоящих-же ненормальных условиях, когда горцы стеснены и лишены возможности решить земельный кризис путем отвода излишнего населения в степи, они не могут удовлетворить свои самые насущные нужды и в таком положении культурное преуспевание края совсем исключено.

Ужасная земельная нужда создала то напряженное состояние, которое чем дальше, тем больше, углубляясь в сознание народных масс, может при известных условиях вылиться в нежелательные формы, оставаясь всегда и при всех обстоятельствах мощным стимулом борьбы за исконные права.

* * *

Теперь разсмотрим состав населения Горской Республики в целом.

При составлении Табл. № 6, в графе „горцев" приведены все горские тюрки, кизлярские и моздокских степей (входящие в пределы горцев). Число населения украинского и русского в Горск. Респубд. определилось путем сопоставлений русских цифр, даных по областям. Присчитаны „закавказские" горцы по данным Ахмеда Цаликкаты.

При таком положении, горцев все-же выходит 42,9%, т. е. в два раза больше найбольшего меншинства — русского, и в три раза больше чем казаков.

Но даже и тот, кто поверхностно знаком с этнографическими условиями на Кавказе, кто принимает во внимание взгляд сов. правительства на роль статистика в политике, тот не может не поразиться его полной беззастенчивостью в систематическом преуменьшении горского населения.

С другой стороны, надо иметь в виду и то, что само насе-

ление старается уклониться от „пролетарского учета“, как и прежде от учета царского, и от всех „благотворных“ последствий, из него вытекающих.

Большевики особенно стараються „быть точными“ по отношению к горцам, в чем не без задней мысли помогают им и русские „ученые“. Безсмысленное раздробление населения Дагестана на племена, — по аулам и родам — не имеет никакой научной почвы и убеждает только особенно наивных и лжеболезненно тенденциозных людей.

Кто внимательно просмотрит географические условия территории, занимаемой горцами, тот поймет, что ключ Кавказа находится в кавказских горах, заселенных горцами. Поэтому неудивительно, что Горская Республика почтена таким исключительным вниманием России вообще и советской власти в особенности.

При „истинно материнском“ отношении России ко всем народностям, она всем стараеться помочь национально „возродиться“, а посему Горская Республика, которая существовала в целом даже при Ильиче-зломудром, расчленяеться в автономные области и в этнографическом отношении распыляется на мельчайшие куски; так, например ингуши и чеченцы, — в действительности являющиеся представителями одной национальности; — северные осетины разделены с южными; — абхазцы совершенно оторваны от горцев, и т. д. — Наконец, население Дагестана русской властью делится на 24 народности, из коих хунзалы, выведенные под рубрикой 145, имеют всего 92 человека.

Мы не верим добрым начинаниям русской статистики вообще и советской в особенности, т. к. она преследует политические цели оправдания захвата наших земель и хозяйства, но для полности и очевидности, мы приводим и эти данные, которые показывают, что и при таких данных Горцы составляют на своей территории, даже без своей эмиграции, относительное большинство. См. табл. № 6.

Наша таблица № 6 в основе своей исчислена из статистических данных, коими пользуется г-н Билый в ж. „В.-К.“, № 21, таблица № 3. Мы приводим ее для наглядности. И при этих, явно ошибочных данных, с очевидностью устанавливается подавляющее большинство горцев в отношении меньшинств.

ГОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА В ЦЕЛОМ.

Таблица № 6.

На основании данных г-на Билого и книги СССР. — 1928 г. Гос. Изд. (в тысячах).

Территория	Всего	Горцев	Казаков	Украинцев.	Русских.	Прочих.	Площадь в кв. к.
Терск. и дагестан.	2,383	1.359	240	241	408	134	113
Ставропол. округ.	100			40	55	5	4
Закубанье.	1.384	145	425	330	367	92	32
Черноморская губерн.	200	8		70	60	62	7
Горцы закавказья	395	395					9
Всего	4.437	1.307	665	681	890	293	165
%	100	42,9	14,9	15,3	20,1	6,8	

Разсматривая таблицу № 6 мы не можем не заметить в ней целый ряд неточностей, которые бросаются в глаза. Нет сомнения поэтому в том, что г. Билый пользовался только угодными для себя источниками, подвергая их еще дополнительной „обработке". Мы уже указывали на то, что русская статистика далеко не отличалась непогрешимостью и всегда была склонна приуменьшать, и приуменьшать значительно, количество „инородческого" населения на своих окраинах. В данном случае русской статистике „помогла" „статистика" казачья г. Билого, который при этом проявил воистину „артистическую" бесцеремонность. В своих рассуждениях, приводимых ниже, мы будем исходить из данных, которые, наверное, были известны и г. Билому, но которыми он не нашел нужным воспользоваться. Данные эти советского происхождения и их можно найти в книге И. П. Трайнина (И. П. Трайнин СССР и национальная проблема—Главполитпросвет, Москва 1924 г.). Говорят они о количестве горского населения в т. н. автономных республиках и областях Сев. Кавказа. Если мы будем исходить из этих чисел, также склонных приуменшать количество туземного населения, то увидим, что последнее только в „автономных" областях и республиках (без

Карачая, Черкессии, Адыгеи и Шапсугии и без городов Терк-Кала (Владикавказ) и Сюнч-Кала (Грозный) доходит до 2.000.000 чел.*)

Если-же мы к этому числу прибавим горское население городов Терк-Кала и Сюнч-Кала, а также теперешнего Терского округа (районы Моздока, Кум-Кале (Георгиевска), Минеральных Вод, то увидим, что на Тереке и в Дагестане горцев будет никак не менее 2.150.000 человек.

Переходя к рассмотрению пришлого населения на той-же территории, мы должны сказать, что оно должно быть значительно уменьшено — во-первых, потому, что значительная часть нынешнего Терского округа (который берется целиком г. Белым) находится вне пределов Республики Горцев и горцы на эту территорию не претендуют. Сюда относятся районы Арзгирский и Левокумский и части районов — Воронцово-Александровского и Прикумского. Население в них равняется приблизительно 150.000 человек. Затем, во-вторых, цифра пришлого населения приведенная относительно Терека и Дагестана в таб. № 6 должна быть уменьшена еще и потому, что она вообще чрезмерно вздута. Количество пришлого населения Терека и Дагестана никоем образом не превыщает 500.000 человек, из коих казаки составляют далеко не большинство.

Еще более вздута цифра пришлого населения т. н. „Закубанья“.

В „Закубанье“ входят три автономные области (Карачай, Черкессия и Адыгея) и два округа—Майкопский и Армавирский, при чем последний не целиком. Население 3 автономных „нац-областей“ равняется 270.000 человек; Майкопского и части Армавирского округов — 600.000 человек (Майкопского — 291.000, Армавирского—около 300.000 чел. **) При чем нужно заметить, что значительный процент приходится здесь на долю армян-табаководов и торговцем, некоторые из которых сохранили только религию, в остальном-же совершенно приобрели горский облик (армяне Армавира). Население Чорноморского округа, также приувеличено. Советские источники (Сев. Кавказ после районирования, Ростов на/Д. изд. 1925) показывают его равным всего 187924 человек, из которых опять таки значительная

---

*) В Дагестане—1265.000 чел., в Чечне—460.000 чел., Ингушетия—75.000 чел. Осетия—150.000 чел. Кабарда и Балкария—около 200.000 чел. — Трайнин,— СССР и нац. пробл.

**) „Сев. Кавказ после районирования, Ростов на/Д, изд. 1925 г.

часть (главным образом, украино-русско-казачья) живет в районе Новороссийска и в территорию горцев не входит.

Остаток, приходящийся на долю Республики Горцев, не превышает 100.000 человек (горцев до 15.000 ч.) и имеет в себе русских не более 15%. Казаков в нем нет совершенно, украинцев мало, а главную массу его составляют горцы, армяне и греки.

Таким образом, табл. № 6 приобретает с вышеуказанными поправками следующий вид:

ТАБЛИЦА № 7.
(в тысячах)

Район	Всего	Горцев	Не-горцев
Терек и Дагестан и юго-западная част Ставр. округа	2750	2150	600
Кубань	870	270	600
Черноморье	100	15	85
Южн. Кавказ	395	395	—
Итого	4115	2830	1285
%	100	68,7	31,3

„Не-горцы" распределяются между украинцами и русскими, значительный процент составляют также и кавказские народы (армяне, азербайджанцы и грузины), немцы, поляки, эстонцы латыши, и др.

Таково положение в данное время, когда горцы не могут произвести на родине сами учет своего населения и когда многочисленная горская эммиграция не может вернуться к себе на родину.

В будущем, этнографические условия в Горск. Респ. резко изменятся в пользу горцев, во первых: — репатриацией горцев-эмигрантов, а во вторых: — отходом с наших земель пришлого элемента, накопившегося за время войны великой и гражданской

— за время большевистского господства, — а также и возможного добровольного ухода части городского русского населения, не желающего оставаться в пределах Горской Республики. Вышеперечисленного элемента окажется немало.

Мы учитываем случайный элемент, застрявший и наводнивший наш край с 1914 г. до 200 тысяч челов.; — русскую армию и учреждения ее обслуживающие до 50 тыс. чел.; — служащих промыслов нефтяных и рыбных, а также обслуживающих вообще промышленность, заводы и фабрики до 150 тыс. чел.; русских служащих во всякого рода транспорте, почтовых ведомствах и вообще в государственной администрации и учреждениях до 100 тыс. челов.; — мы учитываем и членов семейств.

И до 1914 года, и после, из цифры временно проживающих, значительная часть являлась временными арендаторами земель: — помещичьих, т. н. офицерских участков, казачьих наделов — запасных, станичных и войсковых земель*). Теперь этот элемент отчасти хозяйничает. От вывода этого элемента коренное население ничего не потеряет. Это будет способствовать разрешению как земельного кризиса, так и репатриационного вопроса. Репатриационный вопрос, в смысле наделения землей, меньше всего должен пугать казачество. Частные и казенные земли Черноморской губерний, Армавирского и Майкопского округов и вообще Республики Горцев—свободно удовлетворят репатриацию миллиона душ горской эмиграции. Кизлярский и Ачикулакский районы при некотором орошении могут удовлетворить землей до 300 тысяч душ населени:

Территория горцев Кавказа может принять и удовлетворить при разумном и общем уравнении около $1^1/_2$ миллионов эмигрировавшего горского населения и попутно разрешить земельный кризис существующий в некоторых районах.

Осуществленная и оформленная горская государственность и не потребует такого большого напряжения в плоскости земельного удовлетворения. Государственное существование и отход русской администрации, управлений, войск, служащих государственной промышленности и хозяйственных организаций, и временно пребывающего, непрерывно сменяющегося русского пролетариата, потребует от громадного слоя горцев перехода от земли к служебным и промышленным рабочим условиям жизни. До полумиллиона душ, считая семьи, постепенно перейдут от интересов сельскохозяйственной жизни к условиям жизни городской, госу-

---

*) Эта категория лиц, из числа даже пришедших до 1914 г., никаких корней и вытекающих отсюда прав не имеет. Наличие таковых об'ясняется ненормальным земельным положением.

дарственной и частно-служебной, а также и промышленной частно-трудовой жизни.

Мы строим жизнь не на захвате чужих земель и богатств, а на вере в собственные творческие силы.

Горская эмиграция в круглой цифре нами учитывается в $1^1/_2$ миллиона, и известный процент ея не сельскохозяйственнный, а служивый и промышленный.

Таким образом, в конечном счете, принимая во внимание вышеизложенные условия, перед горцами стоит вопрос о земельном удовлетворени 1 мил. населения, что составит около 200 тысяч крестьянских хозяйств, и что при справедливом отношени вполне осуществимо.

Приведенные условия и доводы не могут не разсеять сомнения добросовестно заблуждающихся казачьих радетелей. Репатриация никакой угрозы казачеству не таит.

Считая количество горцев, пожелающих воспользоваться правом репатриаци в 1.000.000 человек, а количество не горцев неизменных, в конечных итогах табл. № 7 получим нижеследующие соотношения:

ТАБЛИЦА № 8

в Республике Горцев

в тысячах

горцев	не-горцев
3830	1285
75.7%	24.3%

Такова приблизительная таблица населения нашей территории, без отхода случайного и служебного российского элемента, каковаго по самому скромному, выше приведеному нами подсчету, окажется более полумилиона душ.

Учтя этот неизбежный отход, кстати не нарушающий интересов коренного и жизненно связавшагося с краем населения и, в частности, казаков, мы получим следующую таблицу населения Республики Горцев.

ТАБЛИЦА № 9

Население и территория Республики Горцев Кавказа

(в тысячах)

Население	Всего	Горцев	Не-горцев
Горской Республики	4615	38.30	785
%	100%	82.9	17.1

Процентное соотношение таблицы № 9 ясно говорит за горское право. Из этих даных и соотношений и надлежит исходить при всех построениях.

Наша репатриационная программа на стр. „В. К." считаеться утопичной и вредной для казачества. Мы уже раз'яснили неосновательность этого. Здесь мы, не вступая в полемику, пользуемся лишь поводом, чтобы остановиться на этом кардинальном вопросе. Как практика последовавших за войной событий показала,—явствует,—что и в наше время совершенно свободно могут происходить переселения значительних людских масс не только насильственным способом. Например: — переселение из Новой Греции полумиллиона болгар,—обмен населения в Саарской области. Ведь не считается утопичным будущее возвращение 3 миллионов русских эмигрантов. Если мы ставим вопрос о возвращении горской эмиграции, то в этом нашем праве и справедливом желании мы не видим не только ничего утопичного, но, наоборот, убеждены в необходимости и в наличии реальных данных его осуществить.

В том, что ликвидируется узурпация и возстанавливается справедливость, странно видеть „вредное явление".

Таким образом, мы видим, что ядро Горской Республики составляют Горцы, с репатриацией-же горский элемент еще больше усилится. Перед казаками, оказавшимися в пределах Горской Республики, в силу прошлой русско-казачьей империалистической политики насилия над горцами и степными народами стоит вопрос: — навсегда связать свою судьбу с нами, или-же оставить нашу территорию, так как об уступке нашего достояния кому-бы то ни было, ни тем более, вче-

рашним военным колонизаторам, не может быть и речи. Если им будет больше по душе первое, то они могут быть уверены, что не потерпят у нас никакого ущемления их национальных особенностей, ибо они в культурном отношении почти „окавказились“, не говоря об аттрибутах внешнего порядка.

Можно утверждать, что то, что отличает кавказских казаков от, скажем, ставропольских крестьян, — как раз приближает их к горцам. Поэтому, в момент национального возрождения горцев, когда дух гор и их вековые традиции будут возведены в законность, казакам не придется безпокоиться за свою самобытность, и они искренно примутся вместе с горцами за великое дело культурного возрождения Кавказа.

Горцы строят свою государсвенность на основе прав исторических и реальных данных, существующих в наше время. При всех превратностях судьбы горцы упорной борьбой за независимость отстояли и сохранили основные условия своей государстоенной жизни и цифры статистики конечной таблицы № 9 ярко о том свидетельствуют. Горцев почти в 5 раз больше чем всего негорского населения, то есть подавляющее большинство.

Факт-же сравнительной пестроты населения — есть наследие богатейшей истории Кавказа в более давнем прошлом, а также и новейшей истории, когда колонизационный поток с севера и с Украины создал не только у нас, но и по всему Черноморскому бассейну громадное смешение народов.

В дальнейшем, приступая к краткому обзору проекта будущей Казакии, предполагаемой в соседнем с нами районе, а отчасти с захватом и горской территории, мы будем наблюдать необычайную картину смешения народов и в процентном отношении ставящем Казакию „В. К.“ под большое сомнение, как не имеющей ни абсолютного большинства, так и сравнительного в некоторых случаях.

Мурза-Бек

(продолжение следует).

Очерки республики
Горцев Кавказа.

ВВЕДЕНИЕ.

(Продолжение).

Планомерная борьба Москвы с горцами Кавказа началась приблизительно с 1777 – 99 годах.

Это было время, когда русские, стремясь к осуществлению своих давнишних замыслов — продвижения своих границ к владениям Азии, вели подготовительную политику, всюду и везде поощряя заселение окраинных мест беглым элементом, с тем, чтобы укрепившись, вести завоевательные войны. К этому периоду Москва настолько сильно была охвачена желанием захвата страну горцев, что она решила во чтобы то ни стало найти средства для его удовлетворения.

Для этой цели устраивается „укрепленная кавказская линия" на Кубани и Тереке. Для обороны линии переселены были несколько казачьих полков с Дона и с Волги. Попытки проникнуть за Терек оставались, однако, неудачными вплоть до XIX столетия. Вместе с тем и колонизация не могла двинуться в прошлом веке дальше Терека и Кубани"*).

Это как раз те самые места, где Россия пришла в непосредственное соприкосновение с Северным Кавказом и где движение русских встретило самое ожесточенное препятствие в лице горцев Кавказа.

В виду надвигавшейся опасности, угрозы со стороны непрошенного гостя, клич борьбы за свободу отчизны, всех горцев сделал родными братьями.

Впервые клич этот, это знамя свободы в войне с врагом, поднял шейх Мансур (1784—1791).

Магомет-мулла (1791—1820), Кази-мулла (1820—1832), Гамзат-Бек (1832—1834), Шамиль (1834—1859), — эти четыре были имамами и продолжателями начатой Мансуром борьбы за волю страны горцев Кавказа.

В порыве ненависти к врагу, стремящемуся нарушить волю, отнять свободу, борьба эта приняла истинно народный характер, захватив дух всех и каждого.

Затемняя истинное положение вещей и вступая в сдел-

---

*) П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, С. Петербург 1898 г., стр. 63.

ку со своею совестью, тенденциозно уклоняясь от научно-обоснованного освещения фактов, дел и эпохи, ознаменовавшейся небывалым под'емом героизма горцев, русские историки делали попытки об'яснить и внушить читателю, что героизм горцев и самоотверженная защита ими своей отчизны, зиждятся исключительно на силе газавата, стараясь, весьма неудачно, подкрепить эти свои соображения доводами очень сомнительного качества и в соответствии с видами узурпаторской политики русского империализма.

Мы того мнения, что представителям науки „великого русского народа" не следовало-бы прилагать столь их унижающего труда, чтобы быть предметом позора.

Нас-то, ведь, горцев не так уж легко ввести в заблуждение; мы-то достаточно хорошо знаем, как и из каких элементов складывалась эта борьба.

В равновесии, действительно, силы газавата в соединении с призывом к защите вольности и независимости проявлялась сущность борьбы горцев с русскими, ибо, хотя жизнедеятельная сила религии и оказывалась, правда, могущественной, но далеко не единственным источником вдохновения горцев в это вековой схватне; светские начала и элементы вполне национальной самобытности сталкивались с религиозными; силы, образующие государственность на основах светских, работали в этой борьбе за волю с неослабевающим темпом.

В понимании художников русской и мировой литературы. помимо своего драматизма и захватывающего интереса, эпопея борьбы горцев за свою независимость, была грандиозна и величественна в силу безпредельной любви горцев именно к свободе и независимссти.

Этой движущей силе духа горцев и принесли свою дань: Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Шевченко, Марлинский, Мордовцев, Полежаев, Немирович-Данченко и особенной красоты и глубины содержания французские научные журналы того времени

Появление на исторической арене Кавказа имама Шамиля ознаменовалось тем поворотным пунктом в ходе борьбы горцев за свою свободу, которое привело к величайшему напряжению их сил.

Горские народы выделили из своей среды много отважных и горячо преданных отчизне героев-борцов.

Сам имам Шамиль, как личность, так и та величайшая напряженная борьба горцев за свою свободу, сыном и орудием которой он явился, представлюет одну из наиболее ярких и почти легендарно красочных страниц в истории сей страны. Поэтому автор считает своим священным долгом несколько остано-

виться на особе имама Шамиля, так как его личность является не только необходимым фоном на картине этой борьбы, но и той почвой, на которой выростал исполинский образ горцев.

Если добраться до вершины горы Койсу-булинского хребта Дагестана и стать на краю пропасти, по отвесной линии глубиною в 7000 футов, чтобы полюбоваться открывающеюся перед зрителем панорамою, то на дне пропасти виднеются Гимры — прославленная в военной летописи Кавказа — родина имама Шамиля. Будущий имам Шамиль (имя это в переводе с арабского „всеоб'емлющий", есть одно из 110 имен Бога), сын Динкау, родился в этих самых Гимрах в 1797 году и был единственным сыном у своих родителей. Шамиль еще в ранней молодости отличался силой, ростом и умом. 11 лет он стал посещать школу. В 15 лет молодой Шамиль страстно увлекался джигитовкой, фехтованием и вообще всяким спортом, где можно было выказать силу, ловкость и отвагу. Во время джигитовки он выделывал самые головокружительные упражнения и, в довершение всего, был отличный стрелок. В 20 лет он совершенно свободно перепрыгивал через веревку, которую держали два рослых человека, вытянув вверх руки; перепрыгивал через голову стоящего человека; пропасти, шириною в 8 метров (12 аршин), он перелетал как серна; никто не мог ни настичь его, ни одолет в борьбе; эта была сама ловкость, сама отвага, сама сила, идеал всех добродетелей горца. Горский кинжал о двух лезвиях или кривая булатная сабля были его постоянною забавою, которую он не выпускал из рук. Если не было подле товарища, с которым можно было помериться ловкостью ударов. он наносил и отражал удары, увертывался и нападал наедине сам с собою.

В холод, в дождь, по снегу, он ходил босыми ногами, грудь на распашку.

Наряду с физическим развитием шло развитие и умственное. Духовная жажда Шамиля была так велика, что он не удовлетворялся оффициальным прохождением курса и постоянно искал ученых, чтобы в беседах с ними расширить свое миросозерцание и укрепить выработанные догматы.

Когда юноша Шамиль выпускал из руки кинжал и саблю, он брал в эту руку книгу. Он учился страстно, увлеченно, везде, где только мог разыскать знаменитою ученостью наставника; учился долго и упорно.

20-ти лет он окончил курс грамматики, логики и риторики и приступил к слушанию философии, толкованию корана, преданий и законоведения у лучших преподавателей этих наук в Аварии. Затем он перешел к известному тамошнему хаддису.

у которого слушал тарикат, а 27 лет начал посещать лекции Джемал-уд-Дина (Кумыхского), которым был поручен будущему имаму Кази-мулле.

Даже женившись вторично, на 30-м году своей жизни, он еще учился целых 3 года, погруженный с головою в книги арабских мудрецов, в сказания и песни персидских поэтов.

Шамиль был самым любимым учеником Кази-муллы. „Он молчалив, как камень", — отзывался о нем Шамиль: — и нигде я так много не научился, как от Кази-Магомета". „Пока его не трогайте. Придет время, наступит такой возраст—и Шамиль сам займет первое место, как ему и подобает"—говаривал Кази-мулла.

Не лишен красоты героизма подвиг Шамиля при штурме Гимр. В то время, как пал Кази-мулла, его любимец защищал его тело. В жарком рукопашном бою неожиданно штык рядового пронзил насквозь грудь Шамиля, боровшегося в это время против другого врага; конец штыка вышел из спины у левой лопатки. Несмотря на эту смертельную рану, Шамиль отнял ружье из рук рядового, выдернул штык из раны и им-же убил своего противника.

Своею храбростью, самоотречением и безусловным повиновением делу свободы Шамиль воскресил образы легендарных мюридов.

На одном из орденов, учрежденных Шамилем в период его могущества и славы, имелась надпись: „Кто думает о последствии, тот никогда не может быть храбр".

„Выступил Шамиль, давший горцам государственное устройство, об'единивший горские народы и сумевший создать из них величайшую по упорству своего сопротивления живую силу.

Он дал мюридизму политическую окраску, утвердив его на столь лестном для всех принципе всеобщего равенства" (А. И. Лавинцев — Начало борьбы с мюридизмом стр. 3).

„Выступив вначале только как религиозный вождь, он (Шамиль) — как подтверждает историк, исследователь мюридизма и борьбы с ним, генерал Р. Фаддеев — слил горцев в одно общественное тело, создал средства до него невиданные, осуществил политический идеал мюридизма.

Шамиль стал повелителем Кавказа и вел войну с русскими, как равный им противник, вырывая из их рук все плоды прошлых побед, заставляя Россию напрягать все свои усилия, чтобы удержать за собою край, приобретенный десятками лет кровавой борьбы: Чечня была вырвана из наших рук, войска были сбиты с полей; русские войска должны были действовать на Кавказе уже не отрядами, как прежде, а целыми корпусами, и, как ни странно сказать это, правственный перевес в эту пору оставался за горцами. Власть России на Кавказе стала при-

зрачною. Стратегические линии существовали, но оне были совершенно незаметны. На Кавказ не смотрели, как на крепость, которую нужно было взять осадой, измором. Кавказ хотели взять штурмом и брали... тридцать шесть лет".

„Перед нами выросло могучее государство, управляемое твердой рукой, где каждый гражданин-воин, не задумывавшийся ни на минуту, если надо было отдать свою жизнь. Солдаты наши гибли сотнями и тысячами, не принося никакой пользы; горцы все боле и более вытесняли русских из своих пределов и военный министр кн. Чернышевский, присланный для изследования дел, в 1842 году совершенно прекратил военные действия в Дагестане. В 1843 году ни одного русского, кроме массы пленных, не оставалось в Дагестане.

В 1845 году предпринят был поход против аула Дарго вновь назначенным главнокомандующим Воронцовым, закончившийся полным поражением русских. Этот одиннадцатидневный поход, знаменитый под именем „сухарной экспедиции" стоил нам 3 тысячи солдат, 141 офицера, 3 генералов, 3 орудия и массы лошадей" — Р. Фаддеев стр. 442.

Имам Шамиль достиг зенита своей славы и могущества.

Ибрагим Чулик.

(Продолжение следует).

К горцам!

Уймитесь гордые сыны
Седых волшебных гор,
Во благо гибнущей страны
Прекратим свой спор.
Не партийный, ведь, угар,
Не шум словесной драки,
Нам уготовят в дар
Родные наши сакли.
Иль забыли мы завет
Отцов и смысл адата,
Иль забыли наш обет —
— Друг в друге видеть брата.
Иль не памятны нам дни
Крovаваго разврата,
Когда чужое семя лжи
Травило брат на брата.
Что пользы в этой травле,
К чему вести нам спор,
Ведь, все росли мы в сакле,
Ведь, все мы дети гор.

И разве этого от нас,
Под гнетом пришлых банд,
Ждет, не смыкая глаз,
Невольный наш собрат?
А там, хоть много и невзгод,
Немало все-ж надежд,
Что избавится народ
От опеки и невзгод.
Там тверже чем гранит
Тот дух, что снес все беды,
Дух этот нам родит
И славные победы.
Еще там, видим, не угас
Весь пыл борьбы и мщенья,
А здесь вот среди нас
Лишь злоба, поношенья.
Пора, дружней, как братья,
Приближать тот час,
Когда в свои об'ятья
Нас примет всех Кавказ.

Коста.

Одной из основных задач всех политических организаций, ведущих борьбу с большевитской Россией за освобождение порабощаемых ею народов, составляет и моральная помощь этим народам в дни их тяжелых переживаний.

Нижеприводимое воззвание „Комитета Независимости Идел-Урала“, мы помещаем с особенным удовлетворением, ибо оно в полной мере характеризует те безпредельно-жестокие и безчеловечные условия „свободы совести“, которым все народы-мусульмане советской России подвергаются.

В нас теплится надежда и полная уверенность, что мусульманский мир, к которому обращают свой полный страданий взор их братья по вере в дни мрачной деспотии, тяготеющей над Исламом в России, найдет в себе силы и энергию, способные не только облегчить участь страждущих, но и привести их к полному избавлению от насилия и гнета.

К мусульманам всего мира.

Братья мусульмане! Ведомо-ли вам в каких невыносимо жестоких тисках жизненных условий живут ваши единоверцы в советской России? Можете-ли вы себе представить то угнетение и унижение, которым большевики-коммунисты подвергают ваших братьев по вере и подрывают самую священную для мусульман основу Ислама? Имеете-ли понятие о том, что 30 миллионам мусульман приходится претерпевать, подвергаться осмеянию, преследованию и унижению в форме еще до сих пор в истории человечества не слыханной только за то, что они веруют в единого Аллаха и в его пророка Магомета?

Очевидно, нет! Вы не знаете; не видите!

Очевидно, плач и уныние оскорбленных и угнетаемых советской властью ваших братьев по вере не доходят до вашего слуха — иначе голос заступничества и протеста прозвучал-бы, как грозный набат! Если-бы мусульмане мира хоть единый раз могли узреть и ощутить те чрезвычайно тягостные условия жизни и кошмар, которые тяготеют над вашими братьями-мусульманами в советской России вот уже более 12 лет, вы содрогнулись-бы перед тем ужасом террора, который по указке коммунистической партии творит Че-Ка над верующими в Аллаха! Вот уже в течение многих веков мусульмане России борятся

за свою религию против террора, ныне большевиками доведенного до крайнего напряжения своей разнузданности и неслыханной безчеловечности.

Но, несмотря на все ухищрения царского правительства обруссить их и на жестокие преследования советской власти, мусульмане России, неся неисчислимые жертвы, сохраняют свою религию во всей неприкосновенности и чистоте.

Ныне, в лице большевизма и коммунистической партии на Ислам надвигается грозная опасность! Советское правительство через посредство боевых организаций безбожников безпощадно подвергает истреблению и уничтожению тысячелетнюю мусульманскую общину, быт, семейные узы и разоряет культуру подневольных мусульман советской России.

Все школы и иные культурные очаги мусульман превращены в коммунистические клубы и казармы. Для мусульманского духовенства созданы чрезвычайные условия, в которых нужна самоотверженная преданность делу Ислама, чтобы поддержать, столь безчеловечно попираемую большевиками, религиозный дух верующих. Все, на чем покоится наша религия большевиками в корне уничтожается!

Под гнетом советской России — в Крыму, в Туркестане, в Идел-Урале (Волга-Урал), на Кавказе живет 30 миллионное население мусульман. Для удовлетворения религиозных и культурных потребностей не только мусульман России, но и для нужд мусульман других стран, в 50 собственных типографиях печаталась литература и снабжались тысячи книжным магазинов. Ныне советским правительством все это реквизировано и ограблено, попутно уничтожая веками накопленный культурный багаж тысячи библиотек.

Братья мусульмане! Где-бы вы не жили; — на своей-ли родине или в Европе, Америке, Азии, Африке, — никто вам не преграждает путь к вере в единого Аллаха и в его пророка Магомета; вы свободно можете отправлять свое служение в единого Аллаха — никто тому не препятствует. В любой сотлице культурных стран — в Париже, Лондоне, Берлине, Варшаве, Риме, Вене, вы можете по желанию торжественно провести свой религиозный праздник — весь культурный мир относится с глубоким уважением к мусульманской религии.

Совершенно иная картина теперь в советской России: соблюдение каких-бы то ни было религиозных обрядов и отправление богослужения подводятся под категорию врагов советской власти и духовенство, а равно и лица, исповедующие веру в единого Аллаха, подвергаются жестоким преследованиям, вплоть

до расстрела и ссылки в Соловки и Сибирские тайги, где невинных жертв ожидает голодная и холодная смерть. Самое богослужение в уцелевших мечетях подвергается осмеянию и унижению.

В одном только Идел-Урале закрыто 7.500 мечетей, а в Казани на 100.000 жителей-мусульман не оставлена ни одна мечеть.

Братья мусульмане! Заступитесь за своих братьев по вере, призовите все ваши силы на помощь страждущим мусульманам советской неволи, спасите нашу святую религию, нашу общую культуру от варварского разгрома красных полчищ! Поднимите знамя защити и борьбы с большевизмом; не допускайте, чтобы коммунисты — эти заклятые враги культуры и цивилизации — своими грязными сапогами топтали священный Ислам и мечети обращали в притоны и места разврата!

Мусульмане советской России ждут вашего спасительного слова!

Комитет Независимости Идел-Урала.

Хроника.

11 мая в клубе „Прометей".

День 12-ой годовщины об'явления Независимости Республики Горцев получил, как бы, символическую окраску. Клуб „**Прометей**" ознаменовал этот день специальным собранием, и здесь, в тесном кругу людей, об'единенных одними стремлениями, горцы Кавказа еще раз убедились, что они не одни, что союз порабощенных Россией народов — совершившийся факт и что горцы в этом союзе составляют полноправную и равнозначную иным единицу.

Собрание было открыто Председателем правления клуба „Прометей" проф. **Романом Смаль-Стоцким**, который от имени клуба, а так-же входящих в него украинцев, приветствует горцев в день их национального праздника. Затем, коснувшись истории горцев, он отмечает, что 80-ти летняя борьба их за Свободу была богата примерами беззаветной любви к Родине. Имам Шамиль был образцом этой беззаветности. Борьба его положила основание и сегодняшней общей борьбе за освобождение. Естественно, что горцы, хранящие традиции Шамиля, раньше иных, угнетаемых Россией народов, прокламировали свою Независимость. Далее, проф. Смаль-Стоцкий говорит, что ныне в борьбе с Россией горцы не одиноки, что Украйна наряду с иными народами рука об руку идет с ними. Заканчивает свою речь он пожеланием, чтобы в будущем день об'явления Независимости Республики Горцев праздновался бы уже на Кавказе свободном и независимом.

Затем, слово берет сенатор **Станислав Седлецкий**, испытанный друг народов Кавказа, многие годы сам боровшийся с русским самодержавием. Он отмечает серьезность задачи, стоящей перед горцами. Путь, по которому идут

горские патриоты, требует систематической и упорной работы. Но, горцы, как материал, способный отстоять свою независимость, являются одним из лучших в мире; они обладают культурой, доказавшей свою жизненность и ценность; есть у горцев и экономическая база. Все это в сумме создает благоприятные условия, которые надо уметь использовать. В заключении сенатор Седлецкий подчеркивает важность единения для народов Кавказа, где, согласно его мнения, не возможно существование отдельных независимых республик. Независимый Кавказ должен быть единным.

Следующий оратор — Г-жа **Завадская**, председательница женской секции клуба „Прометей", поздравляет присутствующих горцев от имени этой секции. Прекрасная речь проникнутая искренним чувством приязни, оставила в сердцах тех, к кому она относилась, глубокий след. Г-жа Завадская подчеркнула героическую роль, которую пришлось выполнить женщине-горянке во время титанической борьбы горцев за свою Независимость, когда она неоднократно, наряду с мужчинами, защищала с оружием в руках родные очаги. Далее, оратор отметила тот след, который оставила борьба горцев в мировой литературе, в особенности-же во вражеском стане — в литературе русской. Шевченко, величайший поэт Украйны, так-же посвятил несколько произведений Кавказу и борьбе горцев. Заканчивает г-жа Завадская словами Шевченко, обращенными когда-то к горцам:

— „Боритеся, поборете! Вам Бог помогаэ"!

Ибрагим Чулик, представитель горцев, говорит, что провозглашение Независимой Республики Горцев в 1918 году было явлением не случайным. Событие это явилось результатом целого ряда предшествовавших событий; стремление к независимости коренится в психологии горских масс, выработанной целой цепью исторических фактов.

— „Большинство крупных явлений — говорит Ибрагим Чулик — кажутся современникам неожиданными, как-бы, случайными взрывами. Обычно интересуются моментом непосредственно предшествующим событию, ища в нем об'яснения, между тем как исторические сдвиги в жизни народов, их тайные корни скрыты в отдаленном прошлом. Случайно лишь внешнее, формальное — нежданна дата и обстоятельства события — но своим происхождением оно всегда обязано предварительному долгому процессу созревания.

Борцы за единую и не делимую Россию забывают эти весьма простые истины, разсуждая о стремлениях к государственной независимости народов, порабощенных ныне Россией. Обычно говорят и пишут о тех условиях, которые способствовали этим стремлениям, отмечают те непосредственные политические поводы, которые привели к нему, создают целую систему упреков и запоздалых мудрствований по адресу тех или иных деятелей освободительного движения.

Словом, пытаются придать освободительному движению порабощенных народов временный характер, как случайному явлению, якобы, порожденному войной и революцией, а потому и глубоко враждебным затеям русской государственности и основам великорусского благополучия.

Борьба горцев за свою независимость — это вековая война их с Россией и этот длительный процесс упорной защиты воли, подготовил день провозглашения Республики. Это не было явлением случайного стечения обстоятельств— это плод принесенных горцами неслыханных жертв на алтарь своей Отчизны".

Эту свою мысль Ибрагим Чулик подтверждает целым рядом фактов и заканчивает свою речь:

„Под натиском красных полчищ, при решающем перевесе сил врага, горцы Кавказа иногда отступают, но не для того, чтобы склонить **перемежающееся белыми полосами зеленое знамя Независимости**, а для того, чтобы накопить

силы, подтянуть резервы, тесней и гуще обрости народами Кавказа, идейно и организационно лучше подготовиться к новым выступлениям совместно со всеми народами Кавказа, для того, чтобы вновь во все оружии ринуться в бой. Рожденные в огне боевых схваток с врагом за волю, Горцы останутся неизменно верными заветам борцов за волю прошлого.

Тернистый и славный путь освободительного движения горцев Кавказа, усеян тяжелыми жертвами, не один воин-горец пал смертью храбрых в боях с врагом! Многих скосила мученическая смерть в тюремных застенках, на фронтах гражданской бойни. С высоко поднятой головой, с огнем в груди, с железной решимостью в очах шли они, верные лучшие сыны гор на кровавый бой и заплатили своей жизнью за дело Независимости Отчизны. В ожидании лучших дней перед ними, перед всеми безвестными сынами Отчизны, мы склоняем сегодня наше **знамя Независимости и Свободы**".

Эмин-бей Рассуль-Заде, глава Азербайджанского национального движения, говорит от имени Азербайджанского народа. Вековая война горцев с русскими, говорит Эмин-бей, была не только войной за Независимость горцев, но и борьбой за Свободу всего Кавказа. Имам Шамиль является не только национальным героем горцев, но и героем всех народов Кавказа. Переходя к недавнему прошлому, Эмин-бей подчеркивает ошибку, допущенную руководителями политики народов Кавказа, не познавшими в полной мере важность Конфедерации.

— „Конфедеративный Кавказ — залог нашего успеха" — говорит Эмин-бей, и, продолжая далее, заявляет, что Азербайджан познал это, идея Конфедерации там созрела и есть актуальной.

— „Мы с вами до конца" — восклицает он, обращаясь к лидеру национального движения горцев Саиду Шамилю, и, горячо пожав ему руку, заканчивает свою речь.

Симон Мдивани, один из виднейших политических деятелей национальной Грузии, анализирует настоящее положение и говорит, что тяжесть изгнания смягчается атмосферой приязни и искренней симпатии, в которой приходится работать представителям народов Кавказа, вынужденным покинуть свою Родину. Далее г. Мдивани упоминает, что май — месяц роз, является знаменательным в истории Кавказа. Именно в мае 1918 года народы Кавказа прокламировали свою Независимость. И, если тогда и допускались ошибки, если в недавнем прошлом не всегда народы Кавказа осознавали свое спасение в единении, то ныне вопрос единства Кавказа ни в ком уже не вызывает сомнений. Народы Южного Кавказа всегда протянут руку Кавказу Северному.

— „Горцы, наши северные братья, знайте, что мы идем с вами и мы должны победить"! — кончает представитель Грузии.

Заключительное слово берет **Саид Шамиль,** внук Имами Шамиля и Генеральный Секретарь Народной Партии Горцев Кавказа. Саид Шамиль благодарит предыдущих ораторов и присутствующих представителей народов, об'единенных в клубе „Прометей", а так-же симпатизирующих этому клубу. Продолжая далее, он говорит: — „Нам, горцам, не приходится здесь об'яснять цель нашей борьбы, ибо эта цель общая для всех и понятна всем здесь присутствующим. Нам не надо также говорить и о тех бедствиях, кои переживаются нашим народом на Родине, ибо и эти бедствия общи для нас всех, так как в равной мере переживаются всеми народами, находящимися под игом России. Здесь мы только радуемся, видя солидарность с нами, наше единство, и благодарим всех, выразивших нам свои симпатии. Эти симпатии, выраженные с искренней непосредственностью, окрыляют нас, придают нам новые силы. Мы испытали в прошлом тяжесть одиночества и сейчас сознание того, что мы не одни, наполняет наши сердца уверенностью. Если в прошлом симпатии к нам ограничивались словами

приязни, то сейчас мы видим, что за этими словами стоит реальная сила, готовая в каждую минуту нам прийти на помощь. Там, на Родине, в борьбе наших народов с красной Москвой мы имеем воплощение нашего единства, олицетворяемого „Прометеем". Пример народов, так недавно, подобно нам, находящихся еще под чужим игом и ныне свободных, наполняет наши сердца уверенностью— в конечную победу. Эта уверенность поддерживает и окрыляет нас в нашей борьбе".

Выступлением Саида Шамиля заканчивается официальная часть собрания и гостям предлагается чай.

Народная Партия Горцев Кавказа должна с удовлетворением отметить, что работа ея не прошла даром. Собрание 11 мая в клубе „Прометей" это вновь показало. Если раньше голос горцев, принесших наибольшее количетство жертна алтарь Свободы, далеко не всегда раздавался в общем хоре народов, стремящихся к освобождению, то в последнее время этот голос слышен все чаще и чаще. Горское национальное движение представляет уже силу, с которой считаются и друзья и враги. Народная Партия может считать себя вполне морально удовлетворенной.

11 мая в иных местах сосредоточия горской эмиграции.

Редакцией журнала получено сообщение, что день 11 мая был отмечен во всех странах, где пребывают отдельные группы членов Народной Партии Горцев Кавказа. Собрания отбылись в Париже, Стамбуле, Праге, Брне, Кунейтре (Сирия) Дамаске и т. д.

Вести с родины.

Террор и антитеррор.

Нам сообщают из Шамиль-Кала, что около Темир-Хан-Шуры в апреле с.г. разновременно были убиты два активных коммуниста **Магомаев** и **Джабат Ризаев**. По обвинению в убийстве арестовано 8 человек, из которых 2-их (**Абдуллу Исмаила** и **Ата-бея Соадилау**) выездная сессия Главсуда Дагестана приговорила к расстрелу. 6 остальных обвиняемых приговорено к различным срокам заключения со строгой изоляцией и высылке из края после отбытия наказания.

— В мае месяце в Дагестане был убит повстанческой группой секретарь Касум-Кентского райкома Вкп (б) **Юсуп Герейханов**. Похороны убитого с большой помпой отбылись в гор. Шамиль-Кала. Участие на похоронах советских учреждений и рабочих организаций было обязательным. „Крас. Даг." от 19.V описывает эти похороны в следующем виде:

... „Днем на заводах, в учреждениях, клубах читали окаймленный лист бумаги — извещение о смерти Юсупа Герейханова.

Позже, когда остановились станки и прекратилась работа, город во всех концах опоясался длинной лентой рабочих и профсоюзных колонн, с развевающимися траурными знаменами с суровыми всплесками похоронного марша...

... В зале, у красного гроба, последняя смена почетного караула: члены правительства, Дагкома партии, президиума ДСПС...."

... В дверях показался гроб. Похоронный марш подхватили оркестры, разбросанные по колонне. Впереди венки, приспущенные траурные знамена. За гробом сводный батальон „Осоавиохима" и тысячи, тысячи рабочих, служащих. В арьергарде: нацдивизион и войска ОГПУ..."

В старой России даже похороны царских сатрапов происходили с меньшой помпой.

Горские комунисты не удовлетворяют Москву.

— „Молот“—орган Северо-Кавказского Краевого Комитета ВКП (б) — пишет, что несмотря на десятилетие установления советской власти на Кавказе, партийные организации горских областей до сих пор не располагают национальными кадрами, способными, соответственно чаяниям Москвы, проводить в стране политику советов. В огромном количестве аулов — пишет газета — до сих пор отсутствуют партийные ячейки. Вместе с этим и ряды партии „больше чем где-либо,“ засорены агентами классового врага, “нетвердыми, нестойкими людьми, неспособными осуществлять политику парти.“

„В об'ятиях националистической буржуазии“.

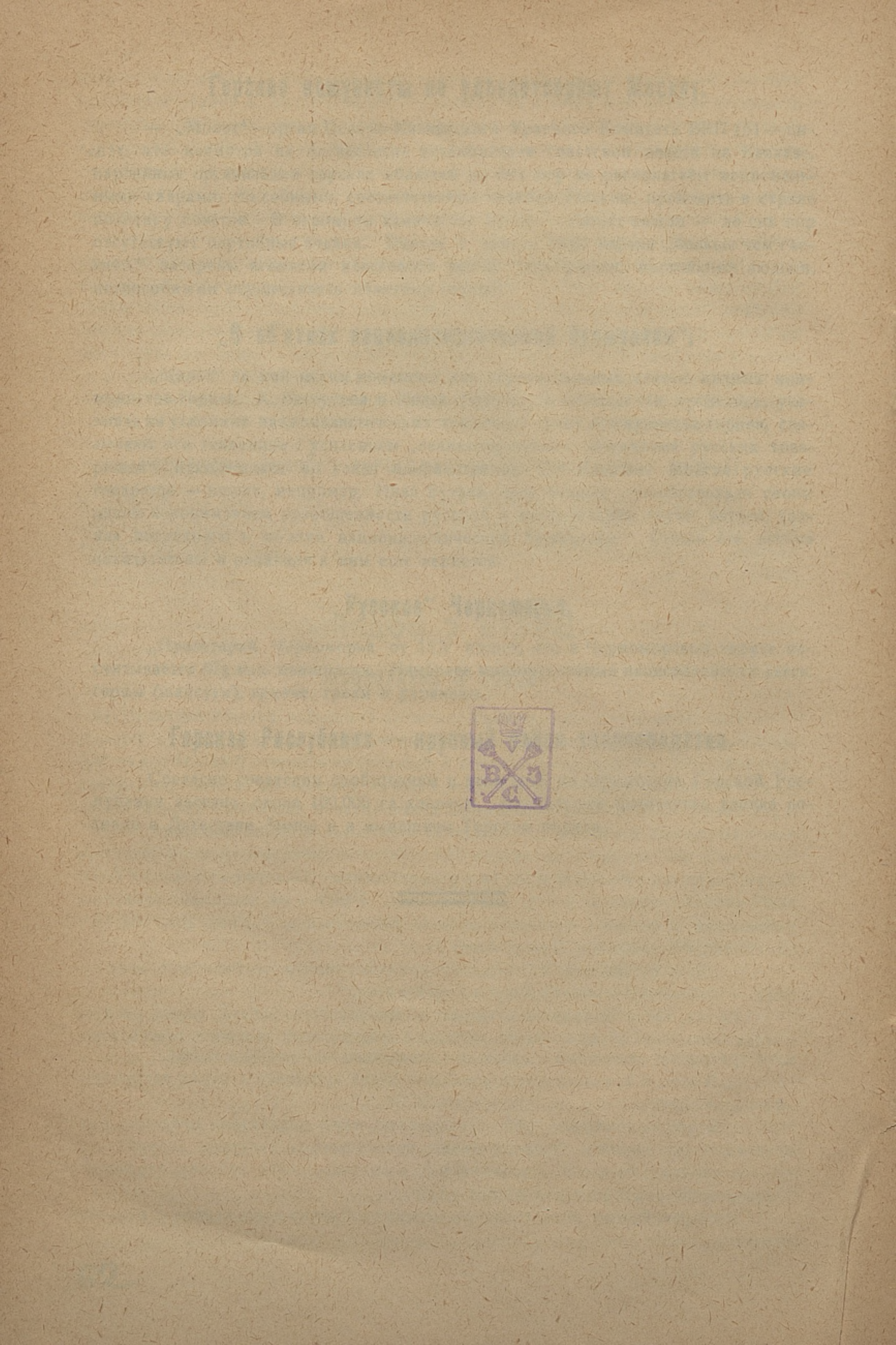
„Молот“ за май месяц помещает две знаменательиых статьи видных коммунистов-горцев. А. Бегеулова и Инала Бутаева, в которых эти последние, указывая на усилиние националистических тенденций среди коммунистов-горцев, связывают эти тенденции с усилением „великодержавного шовинизма русских товарищей“, находящихся во главе администрации Сев. Кавказа. Многие русские товарищи — пишет, например, Инал Бутаев—еще больше способствовали своим диким непониманием розобщенности русской и национальной групп актива, толкая последнюю в об'ятия националистической буржуазии.“ Статьи эти весьма показательны и редакция к ним еше вернется.

„Русское“ Черноморье.

„Пролетарий Черноморья от 18.V пишет, что в Черноморском округе насчитывается 67% нац. меншинств. Наиболее многочисленные национальности здесь: горцы (шапсуги), армяне, греки и украинцы.

Горская Республика — крупный район хлопководства.

Согласно советским сообщениям в этом году на территории Горской Республики засеяно около 100.000 га хлопком. Наибольшее количество хлопка посеяно в Дагестане, Чечне и в нынешнем Терском округе.

Цена 5 франков

АДРЕС РЕДАКЦИИ

3. Rue du Sabot, Paris (6ᵉ)

ZAKŁADY GRAFICZNE
P. SZWEDE
WARSZAWA, WARECKA 9